

★ В ★ И ★ К ★ Т О ★ Р ★

АЛФАВИТА

БУРЦЕВ

Пленных не брать!

Виктор Бурцев

Пленных не брать!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131748

Виктор Бурцев. Пленных не брать!: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-11036-4

Аннотация

Недалекое будущее. Россия, раздираемая нищетой и внутренними конфликтами, обменивающаяся тактическими ядерными ударами с Украиной и ввязавшаяся в катастрофическую войну с Грузией. Бывший танкист Валерий Птахин, который оказывается замешан в загадочной военной миссии на нейтральной территории.

Недалекое прошлое. Советский Союз, войска которого незадолго до начала Великой Отечественной войны вторгаются в Финляндию. Полковой комиссар Станислав Воскобойников, направленный командованием в загадочную военную миссию в глубине финской территории.

Прошлое и будущее не пересекаются. Но рано или поздно две секретные миссии сольются в одну. Птахину и Воскобойникову придется принять участие в невидимой магической войне, ведущейся уже не первую тысячу лет.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1	4
2	24
3	34
4	38
5	44
6	54
7	65
8	81
9	104
10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Виктор Бурцев

Пленных не брать!

Порой наступишь ненароком на лягушку, вздрогнешь от омерзения: какая гадость! – но только и всего. Куда ужасней прикоснуться, хотя бы слегка, к телу человека: сей же миг растрескаются и разлетятся мелкими чешуйками, как слюда под ударом молотка, пальцы, и долго еще будет судорожно сокращаться желудок – так мучительно трепещет на деревянном настиле палубы сердце выпотрошенной акулы. Столь отвратительны друг другу люди! Прав ли я? Возможно, что и нет, хотя скорее всего да.
Лотреамон. «Песни Мальдорора»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГОЙ КАРЛ

ДВЕНАДЦАТЫЙ...

1

С прискорбием сообщаем, что ваши услуги в

*качестве гражданина большие не требуются.
Майкл Мур. «Глупые белые люди»*

– Сколько просишь? – спросил цыган, задумчиво глядя на электробритву.

– Неплохо бы тысяч пятьсот... – заискивающе сказал я, внутренне себя растаптывая.

Цыган хехекнул, почесал под левой мышкой и пошел прочь. Я догнал его и ухватил за скользкое пиджачное плечо. От него воняло чесноком, дерьмом и куревом.

– Ну что я с ней делать стану? – рассудительно поинтересовался цыган, не оборачиваясь. – В задницу вставлять?

– А хотя бы, – зло ответил я. – Никогда не поверю, что не придумаешь. Продашь небось втридорога. Ты смотри, рома, бритва-то японская, «Панасоник»!

Цыган повернулся, хитро посмотрел на меня и ловким движением извлек из кармана мятую сотню.

– Всё равно никто не купит, понял? Ну, еще полтинник добавлю.

И он ушел с моей бритвой в уродливой, бесформенной сумке из синего брезента, а я остался стоять посреди рынка, тиская в кулаке сто пятьдесят тысяч. Главное, что сволочь цыган был стопроцентно прав. При нынешней подаче электричества все брились безопасками. Вот если бы паке-тик «Бика» занять... Небось за те же пол-лимона свободно бы продал. Только хрен бы я продавал, себе бы оставил.

Но это всё ерунда. Пойду хоть пожру по-человечески, раз

уж провернул такое дельце.

И я пошел в столовую. Столовая помещалась в аккурат за углом, возле большого здания с надписью крупными буквами «бомбоубежище» на облупленной стене. Возле входа сидели нищие – от древних старух с иконами до безногого парня лет двадцати трех в драной камуфляжной куртке, с медалью за украинскую кампанию. Я бы дал ему штук пять, но мелочи не было. Да и медаль могла быть куплена тут же, на рынке, а ноги, типа, поездом отрезало по пьянке, уснул на рельсах. Или отморозил опять же по пьяному делу.

Зал по обыкновению кишел разномастным народом – многие продолжали здесь начатые на рынке торговые операции, другие просто ели, третьи грелись и смотрели, что бы такое стибрить. Отдельной компанией у стены жались раковые больные и спидоносцы – их по привычке избегали, хотя рак-то не заразен... Их, по идее, кормили по каким-то особым талонам, но никто этих талонов не видал, а жрали раковые ту же бурду, что и все. Я осмотрелся: в правом дальнем углу вроде бы было поспокойнее и даже просматривались свободные места за сколоченным из горбылей и ДСП столом.

Пока я тискался туда, мне три раза пытались продать «настоящую кристалловскую водку», а какой-то хмырь откровенно попробовал влезть в карман, за что я наступил ему на ногу. Поскольку хмырь был в шлепанцах, а я – в армейских ботинках с подковками, это произвело достойный эффект.

За столом обнаружился один дальний знакомый – парень по кличке Дрозд, вроде бы рабочий с гидропонных установок, хлебавший мутный рыбный суп, сваренный из поставляемой хитрыми японцами муки. По слухам, раньше они пускали эту муку на удобрения, а теперь везут к нам в качестве компенсации за острова и Сахалин. Видал я ту муку – желтая, вонючая.

– Здоров, Валерик, – сказал Дрозд, шлепая рукой по занозистой доске, изображающей лавку. – Жрать пришел?

– Кушать... Ты место мне поддержи, я пойду возьму чего. Что там у них есть?

– А что всегда. Суп японский, пюре и капуста квашеная.

Меню столовой разнообразием не отличалось, иногда вместо пюре была тушеная капуста, а вместо квашеной – сырая. Летом давали яблочный компот, но сейчас, в мае, о компоте и речи не могло идти. По крайней мере в этой столовой.

Вообще-то с моими полутора сотнями я мог побить ноги в более приличное заведение, но стоило ли? Рассуждая так, я взял чуть теплую миску с супом, тарелку с размазанным по ней пюре из картофельного порошка, серую в черных точечках капусту брать не стал, прижал локтем к боку кусок хлеба и вернулся на свое место. Дрозд исправно стерег его.

– Может, махнем по граммулечке? – предложил он. – У меня получка завтра, а я дома в пальто старом заначку нашел, уж не знаю, когда ее туда и сунул... Нажрался, видно, вот и спрятал.

– Махануть можно, а не подохнем? Сам знаешь, что тут продают, – засомневался я, погружая ложку в суп.

– Есть надежный дядька, сейчас метнусь к нему и принесу.

Дрозд поднялся и ввинтился в толпу. На освободившееся место тут же наловчилась сесть костлявая тетка с двумя тарелками капусты, но я цыкнул на нее, и тетка, негодуя, исчезла. Впрочем, Дрозд вернулся быстро и водрузил на стол поллитровку с розоватой жидкостью. На бутылке виднелись следы наклейки: «Зубровка».

– Не ослепнем? Розовая, сволочь, – заметил я. – А если метиловый?

– Херня. Я пил много раз, не ослеп. Дядька ее из какой-то химии гонит, но очищает. Бывший главный инженер с полимерного, даже, кажется, доктор наук. Пахнет, что характерно, малиной.

– Тогда давай.

Мы приложились прямо из горла, и я отметил про себя, что дядька и впрямь знает в выпивке толк. По крайней мере помереть не придется. Доктор наук, как-никак. И малиной пахло.

После третьего прикладывания в голове появилось приятное кружение. Я пихал в себя холодное пюре, а Дрозд, у которого закуска кончилась, дымил самокруткой из корейского эрзац-табака. Снаружи пошел дождь, и на стол крупно закапало с потолка.

– Ну что? – спросил он. – Не работаешь сегодня?

– Я уже третий день не работаю. Закрыли нас, – поведаль. – Бритву сегодня продал цыгану, хорошая была бритва, «Панасоник».

– Хрен с ней, всё равно света нету, – махнул рукой Дрозд. Его хищное продолговатое лицо внезапно озарилось, и он воскликнул: – Слушай, а пойдем это самое?

– Чего?

– Ну, к девкам пойдем. Перепихнемся!

Его сосед слева оторвался от разрушения и поглощения капустных бастионов и с интересом посмотрел на нас.

– Ты, мужик, лопай. Я не тебя пихаться зову, – грубо сказал ему Дрозд и продолжал: – Перепихнемся, водочки попьем, может, пожрать даже чего спроворим у девок. У меня кое-что осталось, и бритву твою проссым за всю мазуту. Или тебе деньги на что другое нужны?

Я подумал, машинально выскребая тарелку. Допустим, приберегу я эти бабки. Проем через неделю при самой жесткой экономии. И что с того? А тут и девки, и выпивка, и жратва... Ну, жратва, конечно, под вопросом, но вариант интересный. Ни на что мне эти паршивые деньги не нужны, коза им хозяин, решил я и спросил:

– А где девки живут?

– А у вокзала, – блестя глазками, сказал Дрозд. – Где Пу-тину памятник. Там общежитие раньше было, а как потом фабрика швейная сгорела, так они жить и остались. С ОМО-

Ном пробовали выгонять, так бабам-то что, чего надо наружу выставил – вот и весь ОМОН... Плюнули на них, так и живут. Я на той неделе познакомился. Только надо водки купить и закуски чуть-чуть для начала, а там у них самих еще найдется. А то не пустят.

– Бери у своего доктора еще пузырь, а насчет закуски разберемся, – скомандовал я и сунул недоеденный хлеб в карман.

Дрозд обрадовано поскакал за выпивкой, а я пошел наружу.

Дождь все еще шел – слабенький и тепленький. Видно, скоро погода на поправку пойдет... Напротив, у покосившегося забора, степенный и благообразный мужик в дерматиновом плаще кормил сеном лошадь. Лошадь, запряженная в очень приличного вида, зеленую телегу, косилась на меня умным черным глазом и вкусно хрумкала. Сельский, наверное, мужик, из зажиточных – вон, и телега у него какая, и кобыла вроде не сдыхает, и ног у нее сколько природой положено...

Через тучки неожиданно ударило солнышко, и мир – включая меня самого, правильную лошадь, зеленую телегу и степенного мужика – показался мне на редкость милым и добрым. Наверное, докторова выпивка заработала на полную мощность.

– Отец, у тебя курить не найдется? – совсем растаял я, обращаясь к мужику. У таких махра всегда имеется, самосад.

Мужик сунул лошади еще пук сена и вычурно спросил:

– А х... не хочешь ли?

– Экий ты, отец, серьезный, – удивился я. – Пожалел божьему человеку папироску.

– Этаких божьих людей полезно на деревьях за ноги вешать, – отвечивал мужик, после чего повернулся ко мне дерматиновой спиной, ясно давая понять, что разговор окончен.

Я хотел уже объяснить этому долбаному фермеру, что ему следует и чего не следует позволять себе в городской черте, но кто-то потряс меня за рукав. Это был лучезарный Дрозд.

– Ну, пойдем, что ли?

– Ты чего, хотел мужику звезды дать?

– Опомнися, – буркнул я.

Мы топали по расплзшемуся асфальтовому тротуару вниз по улице Героя России Кадырова. Когда я совсем маленькой соплей тут бегал и в окна женской бани кварталом ниже подсматривал, улица называлась не то Космонавтов, не то Полярников, сейчас уже не помню... И те и другие теперь на хрен никому не нужны.

– А что я? Я подошел, ничего не заметил... Может, вернемся? Отхерачим мужика, полезное что заберем.

– Свалил уже небось мужик. Да и правильно, что не сунулись: у крестов этих чего только под сеном не запасено. Из автомата полоснул бы, и вся звезда.

Мимо проезжали редкие автомобили, в основном ведомственные. В облезлых, допотопных «Жигулях» скучал милиционер, который вроде должен был следить за движением, но в связи с почти полным отсутствием такового не знал, чем заняться, и потому пристал к нам.

– Ну-ка стоять, – сказал он, с кряхтением вылезши из машины. – Куда идете?

– Гуляем, – ответил Дрозд.

– Пьяные?

– Ага. В отделение заберешь? В вытрезвитель, может быть?

– Нужны больно... Тихо себя ведите.

Милиционер попался старенький и унылый, прекрасно понимал, что ничего с нами не сделает и попросту не справится, даже если мы начнем вести себя не тихо, а громко, но привык за годы службы соблюдать приличия и призывать к этому других.

– Хорошо, товарищ старший лейтенант, – сказал я. – Можно нам идти?

– Идите.

– Надо было ему по башке дать, – возбужденно бормотал Дрозд. – И машину на хрен забрать. И пестик.

– Так он тебе с пестиком и ходит... В кобуре, небось, гондон, пожрать да от жены заначка. Стоит дядька нормальный, отрабатывает свои копейки, и ладно. Старенький опять же.

– А зачем такому гондон? – усомнился Дрозд.

– Надувать и хлопать...

Мы свернули за угол. Посреди чахлых кустиков барбариса, посаженных кольцом, стоял памятник Путину. Бронзовый, он являл бывшего Президента России с книгою в левой руке, мудро глядящего вдаль. Вторая рука, правая, понаполеоновски покоилась за бортом пиджака. Судя по количеству голубинового дерьма, в последний раз Путина чистили недели три назад.

– Его ж, кажется, взорвали, – сказал я сам себе.

– Не, это возле завода холодильников взорвали, а этот стоит, – уточнил Дрозд. – Мы вот закуски не купили...

– Вон ара ходит, у него купим. Не в магазине же ливерку тухлую брать... А в коммерческом дорожке выйдет.

Ара в кашемировом пальто действительно ходил неподалеку от памятника и делал вид, что любит окрестностями. Признаться, идея хреновая: останки заборов, какие-то скрученные железяки и кучи битого кирпича – на что любоваться-то? Но место бойкое, в торговой сметке ара не откажешь. Тут же бабки торговали семечками, пирожками хрен знает с чем и всяким хламом, разложенным на пустых ящиках.

– Эй, пожрать есть? – спросил я, подходя.

– Ест пожарат, ест випит, – солидно сказал ара. – Чито нада?

– Пожрать. В смысле, закусить. К дамам идем в гости, понял?

– К билят идем? Тада нада канпет, колбас.

– Ты давай воду не мути, – встрял Дрозд, – мы не Пугачеву трахать идем. Канпет на хрен... Сказано тебе – закусить.

– Пугачева старий, зачем Пугачева трахат? – удивился ара. – Надо сапсем молодой билят трахат.

– Давай не звезды, – поторопил Дрозд.

Ара пожал плечами и помахал кому-то невидимому рукой. Тут же со стороны почти дочиста вырубленного на дрова парка появился второй ара, с натугой тащивший чемодан. Он взгромоздил его на чудом уцелевшую скамейку и открыл.

Давненько я не видел столько еды в одном месте. Нет, конечно, чан концентратного пюре или бочка квашеной капусты не в счет. Много, но не то. Здесь были паштеты, шоколадки, колбасы, какие-то копчености, печенье, консервы и даже шампанское.

– Купи шампан, – предложил первый ара. – Билят очень любит шампан.

– Сам ты билят, – сказал нервный Дрозд. – Давай вон колбасу... подешевле которая. И консерву попроще.

Я сложил колбасу и две банки килек в томате в пластиковый пакет «Кэмел», подаренный арой от щедрот.

– Сто двадцать тисач, – сказал ара, что-то подсчитав в своей черной голове.

– Ну ты даешь, бля! – поразился Дрозд. – Колбасы кусок и килек две банки – сто двадцать тонн? Охренел! Добавь хоть шоколадку, что ли!

– Дай ему шакалат, – буркнул второй ара, молчавший до

сих пор.

– Харашо. На тибе шакалат.

Ара порылся в чемодане, нашел пару самых невзрачных китайских соевых батончиков и отдал Дрозду. Я рассчитался и прикинул, что осталось еще тысяч двадцать. Ну, не так и плохо. Что там, интересно, за девки у Дрозда?

– Что там у тебя, Дрозд, за девки? – спросил я.

Мы вошли в страшного вида закопченную арку и оказались во дворе общежития. Двор был пуст, только в углу дико ржавел кузов «Москвича».

– Симпатичные вроде. Я их ночью видал, темно было.

– Ну ты и сволочь, – беззлобно сказал я. – Небось, старухи какие, хуже той Пугачевой... Ладно, один хрен, всё уже купили. Не возвращаться же.

На лестнице царил вонючий полумрак. Несомненно, всё население общежития активно использовало ее в качестве отхожего места, а также как дом свиданий – там и сям всё безбожно обгажено, валялись оприходованные презервативы из гуманитарной помощи. На площадке между вторым и третьим этажами маялся здоровенный малый в фуфайке. Он было дернулся к нам, явно не цветы дарить собирался, но я предупредил:

– Стой, сволочь, а то урою!

Сволочи перспектива быть урытым показалась неприглядной, и он отступил в угол. Не исключено, что он просто стрелял курить, но курить ему всё равно бы не дали. Надо

бы про него не забывать, а то дружков потом приведет, придется махаться. А не хочется. Хотя, с другой стороны...

Длинный коридор пятого этажа освещался единственной лампой дневного света, которая казалась здесь маленьким чудом. Дрозд нашел «третью секцию, комнату триста двенадцать» и забарабанил в дверь.

– Кто там? – пискнули изнутри. Видно, страшновато здесь жить.

– Лешка. Ну, Дрозд! Мы с вами на той неделе познакомились!

Дверь приоткрылась, потом открылась окончательно, и хрупкое создание в застиранном махровом халате сказало:

– Ой, мальчики! Лешка! А мы тут картошку жарим!

В комнате и впрямь стоял вкусный запах жареной картошки. Притом даже, кажется, с луком. Комнатка была ничего себе, для троих – а девок оказалось именно столько – даже просторная. Особой роскоши не наблюдалось, зато имелось радио, керосинка и даже коврики на стенах над кроватями.

– Марина, Таня, Наташа, – представил мне девок Дрозд. Марина открывала нам дверь – года двадцать два, маленькая и тощенькая, рыжая. Таня – крупная брюнетка в спортивном китайском костюме ядовито-синего цвета, на год постарше. Наташа – стриженная и обесцвеченная, с плоской грудью под вязаной кофтой и несколько длинноватым носом. В общем, вполне приличные девки. Как говорил один мой знакомый, покойничек, «ничего и в поле много». Черт знает как это

расшифровать, но я для себя считал афоризм чем-то вроде «в поле и жук – мясо».

– А это Валерик, мой большой друг, – сообщил тем временем Дрозд. – Очень рекомендую. Опасный человек. Работает, кстати, в охране гуманитарки.

«Работал», – подумал я. Громкое слово «гуманитарка»... Презервативы, противозачаточные таблетки, заношенное тряпье, просроченное сухое молоко, не сортовой рис, списанные консервы из натовских запасов. Мука японская, малопонятные лекарства, мясо глубокой заморозки сорокалетнего возраста. Большой беды оттого, что мой пункт номер шесть прикрыли, для народа не будет. Я, правда, потерял бабки и место, ну и хрен с ними. Всё равно не удержался бы и набил морду мистеру Хепнеру, очкастому румяному немчику, моему начальнику. Он-то, кстати, и подарил мне электробритву. На день рождения. И весьма сожалел, паскуда, что не может предоставить мне новое место работы.

– Ой, у вас, наверно, столько вкусного! – восхитилась Таня.

– А вот, держите! – И Дрозд молодецки принялся выкладывать на стол колбасу, консервы и шоколадки, а в довершение ко всему бухнул две бутылки с розовой жидкостью «от доктора».

– Какая прелесть! Вот здорово! – наперебой зачирикали девки.

Мы поставили стол между двух кроватей, вскрыли киль-

ки, порезали колбасу и хлеб, а девчонки тем временем дожарили свою картошку. Шоколадки девки с нашего молчаливого согласия разделили каждую на три части и с повизгиванием съели. Дрозд разлил «докторовку» по пластиковым стаканчикам и сказал древний, как мир, тост:

– За знакомство!

И началось...

Я проснулся на полу. Собственно, ни в каком другом месте я проснуться и не мог – вчера мы снимали с панцирно-сетчатых кроватей одеяла, матрасы и подушки и устроили на полу огромный сексодром. Детали гульбы я не помнил, да и ни к чему их было вспоминать. Сначала, естественно, всё было традиционно – под тосты уничтожили первую бутылку. Что-то эта сволочь доктор туда добавляет, ну не может простое бухло так вставлять... Гадом буду. Недаром малиной пахнет. Тем не менее эти события в моей памяти остались свежи.

Как приканчивали вторую, я помнил уже смутно. Сначала вроде анекдоты рассказывали. Я это делать не умею, но и то рассказал один, теперь уже не помню даже, какой и про что. Вроде был смешной, ага. Дрозд хохотал, девки делали круглые глаза и взвизгивали. На мне повисли Наташа и Марина, а Дрозд тискался на своей кровати с Таней. После второй девчонки поскребли по сусекам и выставили бутылку чего-то мутно-серого, но нам уже было всё равно. Тут-то и потащили

матрасы на пол... Помню, пели с Дроздом «Броня крепка!», пользуя при этом Марину с двух сторон, в то время как Таня и Наташа лизались поодаль. Как выяснилось, оба мы служили во времена хохляцкого конфликта в танковых, и даже вместе бились под Черниговом, и вместе успели оттуда свалить до того, как там рванули тактические ядерные... А я и не знал, подумать только. В Грузию Дрозд уже не попал – демобилизовали после контузии, а я влетел. Но это уже другой разговор.

Я попытался перевернуться, что оказалось делом сложным, ибо у меня на животе покоилась голова Наташи, а на правом плече – Марины. Рядом дрых Дрозд с открытым ртом, а его Таня откатилась куда-то в сторону. Излишне говорить, что все были голые, как северные скалы. Осторожно стряхнув с себя девок, я посмотрел в окно. Светло. Или еще вчера, или уже сегодня, но уж не ночь ни в коем случае. Наверное, сегодня. В голове тарахтели маленькие барабанчики, и я почему-то с ужасом подумал, что зря не взял с собой гуманитарные гондоны. Ведь вчера кого-то даже в задницу поимел... Хорошо бы хоть не Дрозда, хе-хе.

Нахватаюсь ведь заразы и подохну.

А и хрен с ним.

Я встал и принялся скакать на одной ноге между тел, надевая штаны. Разбуженный моими прыжками Дрозд – морда опухшая, всё хозяйство набок, изо рта слюни натекали – открыл один глаз и спросил:

– Что, утро уже?

– Давно.

– Фак твою муттер, мне ж на работу пора... – С этими словами он повернулся на правый бок, уткнувшись лицом в массивную грудь Тани, и немелодично захрапел.

Мне захотелось пнуть его в волосатую худую задницу, но я сдержался и пошел умываться.

Совмещенный санузел когда-то содержал в себе такие достижения прогресса, как унитаз и душ, но теперь они не работали. А то как же. Я поплескал в лицо холодной водой из ведра, отметил, что кто-то наблевал на пол, может, и я сам, с кем не случается, и вернулся в комнату.

– Доброе утро, маленький! – сказала хриплым голосом Наташа. Она сидела на кровати, прямо на голой панцирной сетке, и пила из носика заварочного чайника. – Хочешь?

– А что там у вас? – осведомился я.

– Липовый цвет.

Я хлебнул липовой заварки и поискал глазами, что бы такое съесть. Безрезультатно. В сковородке из-под жареной картошки валялся носок. Не мой, у меня не такие драные.

– Курить хочешь? – спросила Наташа.

– А есть?

– Вот. – Она протянула папиросу. Я сунул ее в рот и щелкнул одноразовой зажигалкой – всё из той же гуманитарки.

– Слушай, мне работа нужна, – сказала она, дождавшись, пока я затопчу бычок в консервную банку.

– А я-то что? Девочка, меня недавно выперли. Закрыли мою гуманитарку. Я сам безработный, как крыса.

– А Леша сказал...

– Леша несет сам не зная что. Для понта. Так что извини. Она заплакала. Вроде бы нужно было ее как-то утешить, но у меня рука не поднималась. Так она и сидела голым задом на панцирной сетке и плакала, утираясь ладошкой. Хренотень всё это, спьяну. Бабе проще, баба известно чем зарабатывает столько, что за год не проешь. Мужикам труднее.

Я побродил по комнате без особенной цели и решил, что пора сваливать. Попробовал растолкать Дрозда, но тот вполголоса послал меня, назвав почему-то Коляном, и я понял, что сегодня Дрозд на работу не придет. Выгонят ведь дебила, подумал я, но оделся и тихонько ушел, притворив за собой дверь. Наташа так и плакала на кровати, когда я уходил...

Внизу, у самого выхода из подъезда, толпились местные числом шестеро. Один, кажется, тот, что вчера на площадке маячил. Ждут ведь, падлы. И понять их можно: что еще делать, работать негде, а тут хоть развлечение.

– Здоров, земля, – сказал один, самый хлипкий. Старый прием, детский: сначала до тебя докапывается сопля, ты ему даешь подзатыльник, а большие ребята идут за него заступаться. И правильно, не трожь маленьких.

– И ты здоров, земля, – в унисон ответил я.

– Чего к нашим девкам ходишь? Со вчера ждем. Цени интеллигентное обращение – дождались, пока от девок уйдешь.

– Мы тебя знаем, ты на Роторном живешь, – сказал второй.

Это уже хуже. Ладно, приходите, ребята, на Роторный, там разберемся.

– И что? Что у вас девки, купленные? Или важные детали от них отвалятся?

– А хоть бы и так. Некрасиво. Хотя бы бутылку выставил, мы ж культурно, всё понимаем. Девочек-то нам не жалко.

Люблю культурный разговор, но вот эти морды не просто так здесь стоят. У меня в кармане есть какая-то мелочь, на бутылку им, может, и хватит... Хотя ни хрена.

– Ни хрена, ребята, – сказал я, прислоняясь спиной к стене. – Приходите к нам на Роторный, и мы вас не тронем. И девки у нас есть.

– Не хочет земля с нами разговаривать, – заключил хлипкий.

Очевидно, это было сигналом к действию, потому что остальные стали подтягиваться ко мне. Чтобы не терять зря времени, я приложил хорошенько хлипкому и еще какому-то уродцу в солнцезащитных очках. Четверо остальных попытались взять меня в коробочку, но я не отрывался от стенки, чем весьма осложнил их задачу. Бойцы они оказались липовые и в основном мешали друг другу. Один, на свою беду, вытащил нож, но я его выбил, успел подхватить и хищно завертел лезвием в воздухе. Так я оттуда и вышел – пятясь и отмахиваясь ножом. Урла за мной не последовала

– ссали против ножа. Дети, ой дети!

Возле памятника ходил давешний ара. Он, кажется, узнал меня и приветливо заулыбался.

– Эй, ара! – сказал я. – Курить продашь?

– Курит продам. Какой тебе курит, папирос, сигарет?

– Сигарет. «Мальборо».

– Ай, дорогой сигарет!

Ара полез во внутренний карман пальто. Я здраво рассудил, что сигарет и впрямь дорогой, не стал рассусоливать и двинул ему в челюсть, а потом добавил ногой, когда он уже валялся на асфальте. Чемодана при нем не случилось, но вот из карманов я выгреб довольно много денег и несколько пачек разных сигарет, презервативов и жвачки.

Ара хрюкал, булькал кровью, ворочался, но встать не пытался и за ноги не хватал, видать, получал уже горячего. От парка ко мне бежали двое сородичей поверженного, но явно опаздывали. Или разумно не спешили. Я тоже, ничуть не торопясь, побросал презервативы наземь (за ненадобностью), повернулся и потрюхал к набережной с чувством восстановленного собственного достоинства.

У меня дома сидел дядя Хорек и читал подшивку «Собеседника» двадцатилетней давности. Вернее, не читал, а искал фотографии голых девок.

– Привет, Валерик! – обрадовался он, шамкая беззубым ртом. – А я вот жашел гажетку почитать...

– Читай, дядь. Жрать хочешь?

– Не откажался бы.

Я без лишних слов вручил ему буханку хлеба и две банки сгущенки, купленные в коммерческом магазине. У ары, как выяснилось, я изъял что-то около пяти миллионов плюс двадцать долларов. К подарку я добавил две пачки «Кента», чем совершенно добил дядю Хорька.

– Ограбил, штоль, кого? – в благоговейном ужасе спросил он.

– Премию получил. Ты намазывай вон булочку сгущенкой да хавай. И покури нормальные сигареты вместо веника своего.

– Ого! Богатей! Ну, пойду, штоли, покушаю.

И он поволок снесь в свою конуру по соседству. Раньше дядя Хорек работал фотографом; очень хороший, говорят, был фотограф – художник, а не фотограф. Сейчас и осталось, что голых девок разглядывать. Смотрит-смотрит, а потом как раскричится: «Где ж у него, козла, свет?! Кто ж так

снимает – блики вон куда пошли!» Хороший, в общем, дядька. Жаль, помрет скоро – туберкулез у него и с почками хреново...

Я побросал в тумбочку покупки: в основном консервы и разные полуфабрикаты. Миллиона три потратил, но еще и осталось прилично, спасибо кавказским героям. Улегся на кровать, открыл банку пива «Холстен» и, глядя в потолок, тихонько высосал его. Головная боль ушла; правда, ныл сломанный урлой зуб. Интересно, как там Дрозд? Небось, набьют ему рыло. Ну и ладно, надо было со мной идти, я звал, будил. Вот только бы не схватить заразу, не взял же вчера с собой презеры, а ведь целая тумбочка, аж назад высыпается! Зарплату нам один раз ими дали.

Неожиданно включилось радио. На полуслове прорвался голос диктора, сообщивший, что «...дается прибытие нового груза гуманитарной помощи ООН». Я дотянулся до выключателя и заткнул маленького мерзавца.

– Валерик!

Это опять был дядя Хорек.

– Говорят, облава жавтра будет.

Он постоянно добывал где-то уникальные агентурные сведения про облавы, проверки паспортного режима, раздачу халявной жратвы. Ходили слухи, что у него сын служит в войсках ООН, но я не хотел в это верить: сытый ооновец не должен доводить батьку до такого скотского состояния... Хотя, скорее всего, так оно и было.

- Точно, дядь?
- Ну! Ужаш, ужаш, шаматоха!
- И во сколько?
- Не жнаю. Жнаю, што жавтра.

Ну, жавтра так жавтра. Поспать надо, выспаться. Пожрать хорошенько. Кстати, дверь надо закрыть, а то усну, а жратву из тумбочки повытаскивают, хоть бы бабки соседские. Хорек-то не из таковских, а вот бабки...

Облава – штука опасная. Ни с того ни с сего оцепляют дом и начинают шмонать по квартирам. Что ищут, зачем – неясно: то ли наркотики, то ли оппозиционеров-террористов, то ли просто отрабатывают мероприятия на всякий случай. Одно важно: могут и морду набить, и в каталажку загнать, и пристрелить ненароком. А еще неположенные вещи изъять. А в ранг неположенных вещей попадают в первую очередь жратва, деньги и всякие мелкие ценности. Когда я в охране гуманитарки работал, меня не трогали – корочки солидные, контора уважаемая, сами там кормятся. Честь, конечно, не отдавали, но и не обижали. А теперь я такой, как все. Быдло, одним словом. Помойка.

С этими мыслями я и заснул, а проснулся оттого, что дядя Хорек тряс меня и бормотал:

- Пришли жа тобой, Валерик, слышишь, пришли!

А кто-то невидимый громко рывкнул:

- Ну-ка, старый хрен, отойди! Я сам его щас разбужу!
- За этим последовал ощутимый удар по ребрам. Били, ка-

жется, сапогом. Я извернулся, но меня сдернули на пол и потоптали еще немного, после чего велели одеться поскорей. Знакомая публика: двое в штатском и двое ментов, один из которых в чине капитана. Он и орал. За их спинами вертелся дядя Хорек, пока второй мент, сержант, не огрел его дубинкой. Ну вот, нажрался я. И выпался... И облава не потребовалась.

Внизу, на улице, ждал джип. Милицейский «Ниссан-Патрол» серого цвета, с побитой мигалкой, заботливо перемотанной изолентой. Это насторожило: обычно по мелочи ездят на стареньких «козлах» или «Жигулях», а то и вовсе пешком ходят, благо отделение недалеко. Я осмелился подать голос и обратился к капитану:

– Начальник, а за что меня-то?

– Черного на улице побил? Деньги отнял? А ножик откуда? – флегматично квакал капитан, налегая на меня на поворотах.

– Не мой ножик.

– Ясное дело, не твой. Мой. Сиди, сука, молча.

– А что ножик? Ну, ножик... – продолжал я.

– Говорю, заткни пасть. Там все тебе скажут.

И я, как сука, сидел молча, пока мы не приехали вовсе не в отделение, а к огромному краснокирпичному зданию УВД с золотым орлом под крышей. Там пожилой сержант препроводил меня в камеру предварительного заключения, где уже сидело и лежало человек десять. Преимущественно доходя-

ги типа дяди Хорька, наловленные по углам, но у батареи грелись двое крупных мордоворотов явно из уголовников. Я и не знал, что в УВД тоже камер полно.

– Посиди пока тут, – велел сержант, словно я мог куда-то уйти из камеры по своему усмотрению.

Я послушно сел на краешек деревянного топчана и поморщился – от параша омерзительно воняло.

– Че косорылишься? – спросил один из мордоворотов, завязывая скандал. Я его понимал: чем не займешься от скуки.

– Воняет, – честно сказал я.

Настроение у меня было, прямо сказать, нехорошее. А мужики этого не понимали.

– Не нравится ему, Степа, – огорчился второй.

– А тебе, что ли, нравится? – с любопытством спросил я. – Ну, иди поближе сядь, понюхай с удовольствием.

Пока они отдирались от батареи, я дал Степе по яйцам, оставив его в глубоких размышлениях о пользе хороших манер, а второго отволол к любимой параше и окунул мордой в самую гущу, чтоб наслаждался. Пока он там булькал, оправившийся Степа полез было ко мне. Пришлось сломать ему челюсть. Оказалось совсем не трудно.

На крики поверженного Степы прибежали менты. Двое ласково повели его к лекарю, а третий – всё тот же пожилой сержант – вяло сказал мне:

– Что ж ты, сука, сидеть спокойно не можешь? Одному человеку челюсть сломал, второго в говно мордой сунул...

– Говно к говну. А пусть не лезут, – по-детски парировал я. – Нужны они мне. Человеки хреновы.

– Человеки не человеки, а мне за них отвечать. Пойдем в одиночку, а то ты тут мне устроишь Вавилон...

В одиночке оказалось гораздо уютнее. Вот сразу бы сюда и посадили. Парашу заменял работающий (!) унитаз, а на металлической лавке лежали тощий матрасик и одеяло. В довершение ко всему минут через двадцать мне принесли обед: жидкий картофельный суп, перловку и хлеб. Вполне прилично, даже лучше, чем в столовке-бомбоубежище, к тому же еще и бесплатно.

Навернув обед, я прилег и задремал. Никто меня не беспокоил, только назойливая муха то и дело кусала меня за нос, пока я не подстерег ее и не убил ладонью. С тем и заснул – второй раз на дню.

Приснилась мне редкая штука – марш-бросок моторизованной колонны по Военно-Грузинской дороге. Правда, на самом деле я сидел в танке, а во сне почему-то видел всё как бы со стороны. Ну, типа, я на горе стою или в вертолете. Даже свой танк видел – с белой черепушкой на броне и маленьким красным флажком. Машины негромко рычали, в горном прохладном воздухе стоял сизый дымок выхлопа, а по обочине на «козле» с лихо изогнутой антенной мчался генерал-майор Сурмин.

Низко-низко над дорогой прошли два вертолета – наших, не грузинских.

А вот самое интересное, то есть как громили колонну, посмотреть мне уже не удалось, потому что меня разбудили.

Пробуждение мое оказалось таким же неприятным, как и предыдущее. Капитан по традиции пнул меня в ребра и обматерил – совершенно тускло, без выдумки, просто для порядка. Такой у него был, видать, стиль работы.

– Пойдем на допрос, – сказал он. – Ты, говорят, тут в камере пошумел малость. Как вернешься, устрою тебе по благу звездюлей. Покамест не могу – следовательно ругаться будет.

– Сам ты звездюль сапожный, – буркнул я себе под нос так, чтобы капитан не слышал, и в сопровождении прыщавого холуя в погонах почапал на допрос.

Прилизанный следователь в гражданском вполне радушно усадил меня в кресло и поместился напротив.

– Меня зовут Аркадий Борисович. А вы – Птахин Валерий Игнатьевич, двадцати девяти лет, проживаете по улице генерала Трошева, дом семь, квартира тридцать четыре, так? Трошева – это раньше улица Жукова была, так?

– Так, – согласился я. Потом вспомнил, что во всех книжках положено просить у следователя сигарету, и попросил. Он дал мне хорошую сухую «Приму», поднес спичку и продолжал:

– До последнего времени работали в охране пункта гуманитарной помощи ООН номер шесть, так?

– Так.

– В каких отношениях находитесь с Преображенским

Алексеем Михайловичем?

– Не знаю такого, – пожал я плечами.

– Так уж и не знаете? – заулыбался следователь. – А вчера вместе с ним кушали, между прочим, в столовой номер двадцать один. И распивали спиртные напитки, несмотря на запрет, так?

– Ой, насмешили, – скривился я. – Это Дрозд, что ли? Так он еще и Преображенский? Не знал, честное слово. Знаю такого, правда, не лучшим образом.

Поди ты, в столовой нас пасли! Это с чего такое внимание?

– А известно ли вам, что Преображенский Алексей Михайлович совершил на гидропонных установках, где работает, кражу ста сорока трех килограммов минеральных удобрений, каковые продал затем жителю села Глушково Понасенко Василию Васильевичу?

– Во как! – подивился я. – Не знал. Крут Дрозд.

– Так уж и не знали? Ну, допустим. – Аркадий Борисович вскочил, походил кругами по комнате и продолжал: – А такого Букина Романа Павловича знаете?

– Ромка Букин? Служили вместе в танковых. Механик-водитель. Сейчас, кажется, в каких-то коммерческих структурах, я его года два не видел.

– А вы знаете, что Букин Роман Павлович убит позавчера вечером при невыясненных обстоятельствах у себя дома?

– Допрыгался, значит, Ромка. Ну, господь с ним. Я его

предупреждал.

– О чем это? – прицепился следователь.

– Не ходи, говорил, Ромка, в коммерцию. Убьют. Пом-о-ему и вышло.

Следователь помолчал, катая по столу ярко-красную авторучку с торговой маркой кока-колы.

– Точно не видели его в последнее время?

– Говорю, года два не видел.

– Ну, допустим. А такого Мехтиева Гейдара Мухтаровича знаете?

– Бог миловал. Таких друзей не имею.

– А я про друзей не говорю. У означенного Мехтиева вы сегодня утром отняли крупную денежную сумму, а самого избили, так? Было?

– Было. А он первый полез. Оскорбил меня и вообще занимался спекуляцией.

– Врете. У него два свидетеля есть. Вы его ударили и потом еще ногами били, так? Повредили ребро, у меня справка медицинская есть. Знаете, что вам за это полагается?

– Да уж догадываюсь.

Чаю у него, что ли, попросить? Книжные каноны рекомендуют...

– Чайку у вас не будет? – спросил я.

– Чайку нету, – признался следователь и вздохнул. – Нету чайку. Зарплату задерживают, а уж про чай...

Мне почему-то сделалось неудобно.

– Да я так... И что мне инкриминируется, Аркадий Борисович?

– Да ничего, собственно, – огорошил он меня.

– То есть?

– Обычный административный арест, всё по закону. До трех месяцев.

– А били меня тоже по закону?

– Нет, били, надо думать, по почкам, – сказал следователь, проявив неожиданное чувство юмора.

Я знал этот анекдот, который он перефразировал, хотя его и запретили в свое время как профашистский. Еврея там били по морде, а не по паспорту.

– Шутите... И долго мне еще здесь сидеть?

– По закону – до трех месяцев, я ж сказал. Но я думаю, отпустят. Посидите дней пять, и отпустят восвояси. Этому... Мухтаровичу всё равно, а про остальных я вас с прашивал так... Постольку-поскольку. Работа. Так что идите, – он вызвал милиционера, – и впредь не грешите. Или хотя бы следов не оставляйте, так?

...Танки перли по черниговской земле, сворачивая аккуратные мазанки и плетни. Красивые, изящные машины «Т-80», а навстречу с украинской стороны шли точно такие же «Т-80», только с трезубами на броне. Мы к чертовой матери соскребли перед боем орлов и триколоры, нарисовали красные звезды, не поленились. Понаписали «На Киев!», «Спасай Россию» и всё такое прочее. Отцы-командиры посматривали косо, но не лезли. Самим, видать, хреново было.

Наш водитель Костик орал «Броня крепка». Во всех машинах, наверно, орали. Я вспомнил танковую атаку в «Обитаемом острове» Стругацких и нашел много общего. Блицкрегеры, мать нашу... Вот только танки у нас самые настоящие, боевые.

Потом появились хохляцкие вертушки, и наш танк получил свое одним из первых. ПТУРС сбил правую гусеницу, разнес катки, и мы полезли из люков, матерясь и вертя головами. Я малость оглох, а вот Костику досталось серьезнее – из ушей и носа текла кровь, и был он вроде как без сознания.

Наш лейтенант-москвич со странной фамилией Полиэлит сказал:

– Бля! Пошли назад, а то нас тут передавят на хрен, как клопов. Сейчас такое начнется! Не заметят ведь – ни наши, ни ихние. Намотают на гусеницы.

В дыму и копоти мы заспешили назад, таща Костика. Несколько раз мы его роняли, спотыкаясь на колдобинах, башкой стучали, но ему было всё равно, а нам и подавно.

Основная волна танков уже прошла, ее догоняли отдельные отставшие машины, да еще несколько горело после вертолетной атаки. Из некоторых вылезали черные фигурки, из большинства не выбрался никто.

– Бля буду, долбанут ядерным! Бля буду! – бормотал бегущий рядом со мной наводчик Лушкин, контрактник из Омска.

– Долбанут или нет – это еще неизвестно. От нее всё равно не убежишь. А вот чтобы свои не подавили, надо сматываться, – просипел я и полетел в траву, споткнувшись о какие-то дрова. Сильно ушиб коленку, но плакать над нею было некогда.

Когда мы оказались более или менее в тылу, Костик очухался и спросил:

– Убило кого?

– Типун тебе! – испугался Лушкин. – Кроме тебя, дурака, целы все.

– Короче, – сказал лейтенант, плюясь грязью. – Если не появятся ремонтники, медики или еще какие педики, посидим часок да и двинем дальше. Дезертирство не припишут, если надо – пусть идут проверяют, что там с танком.

Мы спрятались под старым перевернутым комбайном и закурили лейтенантский «Опал», Потом съели найденную в

кармане у Лушкина пачку печенья и задремали. Спали часа четыре, а обнаружили нас ремонтники, которые тащили в тыл легко подраненные танки. Кто-то из них из скромности зашел отлить за укрывший нас комбайн и едва не обмочил лейтенанта, спавшего там, разинув рот.

– Танкисты, значит, – сказал толстый полковник, к которому нас привели. – Одни танкисты, мать их. Бегут и бегут. Сильно вас отгребали.

– Сильно, товарищ полковник, – согласился наш лейтенант. – А что слышно, наступление чем кончилось?

– Херней кончилось. – Полковник цыкнул зубом. – Херней началось, херней и кончилось. Стали.

– То есть как?

– Так и стали. Как бы перемирие, мать его. Наши боятся, что те тактическими ядерными грохнут, а те – что наши. Теперь кто первый грохнет, тот и победил.

И в этот момент как раз грохнуло.

Весь штабной лагерь раскидало к бениной маме. Учитывая, что был он в лощинке и вообще рвануло далеко, нам очень повезло. Вернее, мне и Лушкину. Костика, полковника и лейтенанта убило брошенным на палатку «Уралом» с кунгом-радиостанцией, а вот мы как-то выкрутились. Даже сознания не потеряли, только Лушкин руку вывихнул. А потом мы стали быстро-быстро драпать из зараженного района. Как нас мыли и чистили, вспоминать не хочется, как не хочется вспоминать и госпиталь, когда ждали: вот-вот сей-

час начнется лучевая... Волосы полезут, глаза потекут... Поди ж ты, ничего. Не полезло и не потекло. Блевали, было, срали, как из брандспойта, но обошлось. Вовремя, видать, ломанулись, и лечили нас правильно, как надо. Пока лекарства имелись.

Лушкин лежал на соседней койке, рядом с летчиком-капитаном, которого в сутолоке сбил наш же противовоздушный комплекс «С-400». Катапультировавшемуся и поломавшему всё подряд летчику было совсем хреново, он матерился и стонал, а Лушкин тихонько радовался, что и жив остался, и какие-то денежки в виде компенсации по контракту получит... Он после войны мне письмо написал: что дочка родилась, что сам работает у китайцев на газопроводе и неплохо получает. Я написал кратенький ответ, и на этом переписка закончилась.

А может, и не закончилась. Просто я, как дурак, в Грузию поперся. Но это уже другая история.

За время моей беседы со следователем одиночка превратилась в «двушку». На верхней полке лежал крупный дядька в фуфайке и напевал себе под нос что-то заунывное. Завидев меня, он обрадовался, обрушился вниз и, высморкавшись, протянул мне ладонь:

– Константин.

– Валерик, – сказал я, пожимая эту грязноватую мозолистую граблю.

– А фамилия моя интересная – фамилия моя Горбачев, – продолжал Константин, трясая мою руку.

– Не родственник?

– Бог миловал.

– А за что запрессовали?

Мы сели на койку.

– Да ни за что, – заулыбался Горбачев. – Памятник взорвал.

– Который?

– Да Путину. Что возле шпалопропиточного стоял.

– Да ну?! Сам?

– Сам.

– А взрывчатку где надыбал?

– У вояк на самогонку выменял. Мало было самогонки, а то бы я его вообще на хрен по окрестностям разнес. А так

только уронил, да голова отвалилась.

– Оппозиция, стало быть...

– Какая к бесу оппозиция. Заманал, прямо напротив стоит, я живу там, знаешь, где раньше на первом этаже винный был?

– Представляю.

– Ну вот. Встал с похмелья, башка трещит, во рту будто коты навалили, а тут еще он стоит... Я и пошел к воякам. А сам-то откуда? Чего сел?

– Под облаву попал, – соврал я на всякий случай. – А сам – безработный.

– Я тоже. А раньше, представь, водилой работал.

– А возле завода холодильников не ты взорвал?

– Не, какой-то другой мужик. Да их столько повзрывали за последний год, что не упомнишь. Одно время, помню, Лениных взрывали. А сейчас – Вованов. И ведь ремонтируют. Откуда только деньги на эту хрень находят?

– Ну, на хрень всегда находят...

Я примерился было снова подремать, а что ж еще делать-то, но появился мой друг капитан.

– Спать целишься? – спросил он. – Не выйдет. Пошли на допрос.

– Только с допроса, – развел я руками. – Или он забыл что?

– Иди давай, – поморщился капитан. Устал, видно, замотался, даже не стукнул. – Нечего тут вопросы задавать.

Я пожал плечами и пошел, куда вели. Неожиданно обретший и вновь потерявший собеседника мужик с сожалением проводил меня взглядом. Хороший, видать, дядька, хотя и с дурью.

Но повели меня уже не к следователю, а вовсе в другое место. Кабинет был почище и поуютнее, с кожаной мебелью и бархатными шторами на окнах. Следователь, или кто он там был по должности, тоже отличался от Аркадия Борисовича дорогим костюмом и откормленной внешностью. Судя по морде, он тянул минимум на подполковника, тогда как Борисыч был, скорее всего, задроченный старлей или капитан.

– Садись, Птахин.

Я сел.

– Ну что, друг ситный? Черножопого побил?

– Побил, – кивнул я.

– Правильно сделал, – заулыбался подполковник. – Чаю хочешь?

– Не откажусь.

Подполковник нажал кнопку селектора и сказал:

– Два чая и бутерброды.

Такой разговор мне нравился, хотя я просек, что подполковник явно из спецслужб. Типичные их прихваты. Вот сейчас и начнется настоящая беседа, из-за которой меня сюда притащили. А Борисыч был так, для проформы. Рутинка.

Молодой лейтенант принес на подносе два стакана чаю с

лимоном и тарелку с бутербродами. Подполковник придвинул бутеры поближе ко мне, сам взял с сыром, откусил половину и с набитым ртом произнес:

– Ты, Птахин, дельный малый. Танкист. Медали вон, ордена. – Он двинул подбородком, словно медали и ордена висели у меня на куртке. – Повоевал. Я сам с хохлами цапался, знаю, как там было... Куда дел-то?

– Цацки?

– Ну. Продал?

– Кто бы купил, я-то продал бы... Наштамповали добра, даже на выпивку не сменяешь. Валяются где-то.

– М-да... Ешь, ешь, не отвлекайся.

Я не особенно и отвлекался. Бутерброды с сыром, колбасой и ветчиной быстро исчезли с тарелки. Толковые были бутерброды, толстые. Я допил чай и сказал:

– Спасибо, гражданин начальник.

– Ну, пусть я буду для тебя товарищ Старостин, – ответил подполковник, хлюпнув чаем.

– Товарищ? Не господин?

– Господа сам знаешь где сидят...

– Хорошо, товарищ Старостин. Вы вот сами сказали, что я – малый дельный. Тогда уж я сразу спрошу: что хотите-то от меня?

– Пока прокачали немного, и всё, – сознался Старостин. – Мужики в КПЗ...

– Ваши, что ли? – удивился я.

– Нет, настоящая урла. За бутылку денатурата. Наших ты, полагаю, так легко не раскидал бы. Да и не убивать же тебя хотели, а проверить...

– А во дворе?

– В каком дворе? – удивился на сей раз Старостин.

– Ладно, проехали... И зачем я вам такой нужен?

– Я же сказал: дельный малый. С опытом. Мы, собственно, тебя заметили, когда ты еще свою гуманитарку стерег. Но опоздали. Теперь твоя задача – не сделать глупость и не смыться.

– А подробнее?

– Подробнее тебе? Короче, последний медицинский осмотр у вас проводился... э-э... по-особенному. Был наш специалист, которого интересовали весьма специфические показатели. Ты подошел.

– То-то, помню, какие-то проводки мне только что в задницу не совали... Выходит, я – супермен? Бэтмен? Или мутант?

– Не супермен и не мутант, Птахин. Просто нужный нам человек. И теперь думай, хочешь ты и дальше лазить по закоулкам, пока не прирежут или не сядешь, или ухватишь за хвост птицу-удачу.

– А что за птица? Понимаете, товарищ Старостин, я на своем веку уже много раз эту удачу за хвост хватал, а она, сволочь, мне в ладошки обсиралась.

Старостин радостно засмеялся.

– На этот раз всё серьёзно, – сказал он. – Работа для тебя привычная – идти-стрелять, компания, надеюсь, подберется хорошая... Готов?

– Готов, – сказал я самым честным образом. – Почему бы и нет.

Шел холодный крупный дождь.

– Полезайте вон в кузов и сидите там, – велел сопровождавший нас круглоголовый прапорщик. – А я покамест пожрать спроворю в дорогу. Обещали тут подкинуть от щедрот мериканьских.

Грузовик был что надо: армейский «Урал», только-только со склада, резина чернушая, сам зеленый, блестит... На консервации, видно, стоял, ни украсть, ни пропить не успели. В затентованном кузове, куда я забрался, спал на гряде пустых мешков какой-то старлей, рядом валялись пустые винные бутылки. Я понюхал горлышко – старые, нечему и некому завидовать, после чего немного распотрошил постель спящего старлея и устроил себе уютное сиденье.

– Ну-ка, подвинься, – сказал влезший следом за мной спутник, угрюмый блондинистый парень.

Я принципиально не стал двигаться, хватает места. Он покашлял, подвинул старлея и сел рядом. Тот даже не проснулся, видно, совсем был убитый, хоть и бутылки не его.

– Костик, – сказал блондинистый, протягивая руку.

Везет мне на Костиков. В ментовке – Костик, на войне – Костик... Я тоже представился.

– Куда едем? – спросил он.

– На муда, – сказал я.

– Так. Значит, тоже не знаешь. Может, он знает? – Костик кивнул на храпящего старлея.

– А ты разбуди, – посоветовал я, высморкавшись. – Он тебе объяснит.

– Ладно, сейчас прапор придет, у него и спросим.

Прапора носило где-то довольно долго, я даже успел задремать, пригревшись в мешках. Наконец он забрался в кузов и радостно сообщил:

– Живем! Жратву принес и даже вон что!

С этими словами он помахаллитровой флягой.

– Спирт? – осведомился Костик.

– Самогон, – покачал головой прапор. – Но крепкий – сил нет! А в сумке – консервы и хлеб.

Действительно, там лежали натовские консервы и ихний же консервированный хлеб в целлофане. Мы откупорили наугад по банке – мне достались сосиски, Костику – что-то мясное с соусом чили, а прапору – спагетти с фрикадельками – и начали хавать, глотнув по разу из фляжки за грядущее счастливое отбытие. Тут как раз загудел мотор, и наш «Урал» поехал в неизвестность.

– Предчувствую вопросы, – сказал прапор, жуя и чавкая. – Звать меня Коля, а куда едем – говорить не велено, да и сам не знаю ни хренатушки. Бумаги подписаны, указания получены, остальное на месте скажут.

– Хоть не на мыло? – лениво поинтересовался Костик.

– На мыло и без вас народу хватает, хоть бульдозером со-

скребай.

Самогон и впрямь оказался крепкий, и меня здорово повело. Я пристроился возле старлея, укрылся ватником и под шелестящий по тенту дождь незаметно уснул.

Проснулся я, когда уже светало. Внутрь сквозь щели просачивался серый сырой свет, рядом, раскинув руки, храпел всё тот же старлей, поодаль – прапор. Костика не было видно, мотор молчал, машина не двигалась.

Я встал, сделал несколько простеньких упражнений для разминки и полез наружу.

«Урал» стоял прямо на дороге, разбитом бетонном шоссе. Поодаль на обочине страшно чернел обгоревший БТР, еще дальше торчал хвост сбитого самолета – кажется, «мираж». Поди ж ты, аж в зону активных боев въехали! Бывал я тут, бывал...

Костик деловито мочился на колесо и встретил мою появившуюся из-под тента рожу радостным возгласом:

– Ты смотри, в какие гребеня нас загнали! – И спел: – А я люблю свои места родные, свои родные... бля... какие-то там места!

Я спрыгнул на бетон и обошел машину. Вокруг были только поле и дорога. Из кабины высунулся водитель – мужик лет сорока – и спросил:

– Курить нету?

– Откуда у меня курить... – развел я руками. – А что стали-то?

– Провожатого ждем. Подъедет щас провожатый. Сказали, возле знака сорок девятого километра стоять.

Действительно, перекошенный знак торчал на обочине.

– Ты, батя, скажи, куда мы едем? – попытался я в очередной раз пронюхать, что к чему.

– Да господь его знает, – равнодушно сказал водитель. – Видишь, провожатого жду. Сам не знаю. Сказали, возле знака сорок девятого километра стоять, я и стою. Жду.

Да-а, положеньице... В самом деле мужик не знает ни хрена, по морде видно. Да и не всё ли равно? Привезут туда, куда привезут, не в поле же бежать.

– Давай старлея разбудим, – предложил подошедший Костик. – Не хрен ему столько спать. Не в мавзолее.

И мы пошли будить старлея.

Наш прапор Коля уже тоже пробудился от праведного сна и чистил зубы, выдавив на палец колбаску пасты «Сигнал». Вместо воды он пользовался остатками вчерашнего самогона, что покривило даже меня, не такое выдавшего.

– Будем здороветь! – подмигнув и сплюнув, сказал он нам, влезаящим в кузов.

– Ты бы вылез наружу-то, а то понаплевал, как верблюд, – буркнул Костик.

– А чо? – изумился прапор. – Это ж как дезинфекция! И мятой пахнет...

Ни слова не говоря в ответ, мы принялись тормошить старлея. Тот гнусаво бормотал что-то в ответ, но просыпаться

ся не желал. Осерчавший Костик отвесил ему оплеуху.

– Бля! – завопил старлей, вскидываясь. – Приехали, да?! Уже? А?!

– Еще не приехали, товарищ старший лейтенант, – сказал Коля. – Но скоро будем. Всё к тому идет.

Лейтенант потер чумазое небритое рыло ладонями и поведал:

– Ой, нажрался я вчера... Даже не помню, как в машину погрузили. Это вы меня грузили, мужики?

– Не мы, – ответил я. – Когда мы пришли, ты уже дрых тут.

– Ага... Ну и хрен с ним. Жрать давали?

– Вон, в сумке возьмите, товарищ старший лейтенант, – показал прапор.

Старлей шустро наломал хлеба, открыл банку ветчины и зачавкал, делая приглашающие жесты. Перекусили за компанию и мы.

– В башке гудит, – пожаловался старлей. – Тормозухи вчера набухались. Сколько раз зарекался пить тормозуху... Похмелиться нема?

– Было. Только вон товарищ прапор всю опохмелку на зубы счистил, – горько сказал я.

– И ничего не всю, – обиделся Коля. – Поищи в сумке, там еще фляга должна иметься.

Фляга в сумке имелась. На радостях мы быстренько распили ее и, когда под тент неожиданно сунулся угрюмый мужик в камуфляже, встретили его приветственными криками:

– Провожатый! Провожатый приехал!

– Так. Напились, – философски сказал провожатый. – Что с вами делать, пейте, пока можно.

И убрался назад. Хлопнула дверца кабины, «Урал» вновь тронулся. Старлей покрутил головой и спросил:

– Так куда едем-то?

– А мы у тебя вообще-то хотели спросить, – заметил Костик, выскребая банку. – Кто тут офицер, в конце концов?

– Тю! А я знаю? Меня вчера утром вызвали, полкан велел вещи собирать. А что, куда – не сказал... А где мои вещи, кстати?

Старлей принялся рыться в мешках, но ничего не нашел. Ничуть не смутившись, он засмеялся:

– Потерял. Ну и ладно... Трусы там, носки новые дадут, с горя и без трусов обойдусь, а из нужных вещей только радио было. Приемник, маленький такой. Курить вот только... десять пачек «Шахтерских»...

– Ты давай, старшой, представься лучше, – сказал Костик, выкинув опустевшую банку наружу. Слышно было, как она весело задребезжала по асфальту.

– Леха. – Старлей чинно пожал протянутые руки. – А фамилия моя Беранже.

Везет мне на летех с дурацкими фамилиями. То Полиэлит был, теперь вот француза черт принес...

– Во, ну ё-мое! – удивился прапор. – Кажись, художник такой был.

– Поэт, – поправил старлей с достоинством.

– А ты ему что, родственник?

– Кто ж его знает... Разберись теперь. Спросить вроде не у кого.

– Ну, а там дед, к примеру?

– Знать бы, где тот дед и когда помер...

– Ну и лады. Команда налицо, – подвел итог прапор. – Старший лейтенант Беранже, прапорщик Головнин, рядовые...

– Иди к бую, сержант я, – поправил я.

– Сержант Птахин и рядовой Логвинов, – закончил прапор, ничуть не смутясь.

– Капец мне. Одни начальники, – хихикнул Костик. – Маршировать скоро пошлете? Учтите, у меня со строевой всегда нехорошо было. А наряды, чур, на кухню.

Помолчали, слушая, как свистит в дырках тента ветерок и скрипят доски кузова. Я сосредоточенно выковыривал соломинкой жесткие волоконца мяса из зубов. Вернее, из зуба, который урла поломала.

– И вот едем мы, едем, – пробормотал неожиданно впавший в депрессию старлей, – и нет нам ни дна ни крыши... Не видно ни зги...

– А ты из-под брезента выгляни, – посоветовал Коля. – Увидишь чего.

– А зачем? Что я там увижу? Танки паленые? Я и так понял, что где-то мы на юге европейской части. За каким, вот

что спрашивается! Оружия нету, жрать, правда, дали... И то хорошо... Бухло кончилось...

– Слушай, старшой, остынь, – сказал я. – Привезут, покажут, чего и куда делать. Ты хоть кадровый, меня вон вообще на помойке нашли.

– Кадровый, – хмыкнул Беранже. – Кино такое было, «Офицеры». Сейчас запретили, но я маленький, помню, смотрел его. Там один генерал другому говорит: «Есть такая профессия – Родину защищать». А где та Родина? И где та профессия?

– А я тут воевал, – неожиданно сообщил я, выглянув наружу. В самом деле, танки паленые, деревушка какая-то по левому борту, вернее, то, что осталось от нее... – Ну, не прямо тут, но в этих местах.

– И я воевал, – кивнул старлей. – Пехтура, мать ее так. Загнали в окопы, сидите, говорят. А они на нас танки. А они по нам ковровое бомбометание. Из «градов» звезданули. Хорошо хоть, под ядерные не угодили, как двадцать вторая дивизия...

– А я как раз в танках, – сказал я. – Черниговское наступление. Броня крепка. Потом еще в Грузии шкурку гонял, но это не война, а жопа была.

– Во! – поднял палец прапорщик. – Слет ветеранов. Обратите внимание, все из разных родов войск. Ты, Костян, небось, моряк?

– Почти угадал. Морпех.

– Ага. А я самый что ни на есть мирный вояка – строитель. Укрепрайон под Новозыбковым строил.

– Где теперь тот Новозыбков? – риторически спросил старлей. – И где теперь тот укрепрайон?

– Ну, укрепрайон, кстати, очень может быть, и уцелел, – обиделся Коля. – Прочно строили, на века. Там сам командующий направлением сидел.

– Сидел... в кувшин пердел...

Запыхтевший Коля хотел как-то парировать этот выпад Костика, но их перебил старлей.

– Эй, эй, – вяло сказал он. – Логвинов, так ты морпех? Вас же сюда вроде не гнали? Хули ж ты тут делал?

– А я тут и не был, – пожал плечами Костик. – Разве я говорил? Я в Севастополе с моря десантировался. Идиотская диверсионная акция. Повязали всех, как ссанных котов. Полтора года в концлагере сидел, под Конотопом, потом поменили на кого-то.

– Херово в лагере? – осведомился Коля.

– Херово.

Грузовик съехал с бетонки и покатил по проселку. То и дело «Урал», дребезжа железяками, проваливался в колдобины, кренился, пробуксовывал, но всё же с диким ревом выползал. Я поудобнее устроился в мешках и задремал под рассуждения прапорщика и Костика о превратностях жизни в лагере для военнопленных и судьбы вообще. На этот раз мне почти ничего не снилось, кроме каких-то голых баб, но

и с теми ровным счетом ничего делать не хотелось.

«Улица Маяковского» – гласила синяя побитая табличка на доме, возле которого стоял наш грузовик. Трехэтажное типовое здание когда-то было школой либо каким-то другим детским учреждением, но сейчас тут обосновались военные. В скверике стоял памятник неизвестному мне бородавчатому человеку – может быть, украинскому какому-нибудь писателю, сейчас раскрашенный маскировочными пятнами, не иначе как ради потехи.

На крыльце деловито курили парни в бронежилетах и с «кедрами» наперевес. Они посмотрели на нас неодобрительно, но никто ничего не сказал.

Провожатый, назвавшийся капитаном Салуцким, исчез внутри здания, показав курильщикам какую-то корочку. Нам было наказано сидеть тихо и не выстывать.

– Мужики, киньте чинарик! – окликнул курильщиков прапор Коля.

Парни переглянулись, потом один порылся в кармане камуфляжной куртки и бросил нам почти целую пачку сигарет «Проминец».

– Спасибо, земляк, – с чувством сказал прапор, чиркая спичкой.

Парень ничего не ответил, другой что-то буркнул неслышное, и все заржали.

Мы посидели, покурили. Салуцкий не возвращался. Мимо нашего «Урала» по улице протащился танк «Меркава» с эмблемами Второй Винницкой танковой бригады, носившей нежное название «Билий лелека». На башне сидел, свесив ноги в люк, танкист без шлема и ел большой бутерброд, запивая из фляжки. На евреев хохлы словесно наезжают, а танки их любят... И оружие любят – видал я и «дезерт игл» у офицеров, и штурмовые винтовки израильские... Интересно, чего это они с Израилем расторговались? И что взамен поставляют? Откуда бабки берут?!

Потом проехали пять ооновских бэтээров с джипом во главе. В джипе сидели девки, числом пять, в форме – связистки какие-нибудь или медсестры. Прапорщик помахал им рукой, девки засмеялись, и одна, азиатского вида, показала в ответ выставленный средний палец.

– Фак ёселф! – заорал прапорщик, демонстрируя незаурядное владение разговорным английским. – Факю, битч!

Наконец появился Салуцкий. Он выглядел подавленным.

– Педерасты, – тщательно выговаривая это сложное слово, выругался он в адрес, надо полагать, людей из бывшей школы.

Мы не стали устраивать расспросы, тем более капитан тут же вытянул из кармана маленький блокнотик серой бумаги.

– Талоны. Жрать, пить, – коротко пояснил он, подавая блокнотик старлею, как старшему по званию. – Все сразу не проедайте, но и не экономьте. Еще дадут, если понадобится.

Это была хорошая новость. Жрать и пить – дело полезное, особенно если прикинуть, что может скрывать слово «пить». Поскольку Салуцкий ничего объяснять не стал, мы выгрузились чуть дальше по этой же улице, возле длинного одноэтажного домика, вроде бывшей конторы. Впрочем, выгрузились – громко сказано. Побросали свои нехитрые пожитки в большой комнате, где из мебели были только две двухспальные кровати с полосатыми матрацами, и отправились на поиски выпивки.

– Стой, пан! – крикнул прапорщик проходившему мимо украинскому солдату.

Тот послушно остановился.

– Где тут пожрать и выпить поскорей? – без обиняков спросил прапорщик.

– Да вон там, – показал солдат. – Длинный такой дом, сразу увидите.

– Дякую, – сказал прапорщик.

Да, вполне приличная забегаловка у них тут была. Как в старых боевиках про наемников: полутемная, с высокой стойкой, разбросанными по залу столиками, с рекламой пива «Миллер» и кока-колы на стенах, с маскировочной сетью под потолком. Особняком висело несколько постеров с Арнольдом Шварценеггером. Нет, не тем Шварценеггером – крупным стариком в инвалидном кресле, а с памятным мне опять же по старым боевикам.

Ощутимо пахло пивом и сушеной рыбой, а также сига-

ретным дымом. Из динамиков орал вечно молодой Филипп Киркоров.

– На ценники не смотреть, – скомандовал Беранже, пошушукавшись с барменом, или как он там назывался. Бармен был толстый плешивый мужик с запорожскими усами, в камуфляже, но вряд ли военный. – На талон – четыре пива, сто водки и закуска.

– Сколько талонов? – деловито осведомился прапорщик.

– Двенадцать.

– Вываливай все. Капитану скажем, потеряли. Нажремся хоть, когда еще придется... Только пускай штук семь закусок на водку переведут.

И мы начали методично нажираться.

Водка была ничего. Закуска – средняя после качественных консервов, но тоже в принципе ничего. Пиво – боже, пиво, и то было ничего! Холодное, пенистое, светлое пиво, какого я не пил уже много-много лет. Конечно, наш городской пивзавод и сейчас варил прокисшую от рождения бурду, но пивом ее назвать не поворачивался язык.

В общем, всё бы ничего, но налево я старался не смотреть: там сидели хохлы. Целых три стола хохлов – в зеленой форме, в высоких фуражках с трезубами, с «береттами» в кобурах. Все в чинах – не ниже капитана, многие с орденскими планками, один полковник даже с трехлучевой звездой ордена Бандеры, похожей на мерседесовский фирменный знак. Украинские офицеры кутили: на столах я заметил даже мол-

давский коньяк и обилие закусок.

– А эти что здесь делают? – вполголоса спросил у лейтенанта Коля.

Тот пожал плечами.

– Не дури, прапор. Это ж нейтральная зона, как я понимаю, – сказал я, очищая таранку. – Танк видел? Тут их части стоят, и наши, и ооновские, и натовские... Солянка сборная.

– Морду бы им набить, – мечтательно протянул прапорщик. – Победители.

– Набьем еще, – пообещал я, посматривая на Костика.

Тот подряд хлопнул три стограммовки – водка, кстати, оказалась вполне сносная, хотя явно из техспирта, – и сидел, вяло жуя плавничок. Всем нам хохлы кровь испортили, но Костику – больше всего. Всё ж в лагере сидел. Как бы чего не выкинул...

И я угадал.

– Стих! – громко выкрикнул Костик, поднявшись.

Многие обернулись, поставили кружки, отложили вилки. Лысоватый будкарь за стойкой сделал музыку потише. Кто-то из русских похлопал.

– Стих, – повторил Костик. – Стих русского... или еврейского? Короче, американского поэта Бродского стих. «На независимость Украины»!

– Не треба нам жида, – пробормотал пьяный украинский капитан за соседним столом, но большинство захлопали.

Я когда-то читал Бродского, он вроде бы помер давно, но

ничего про независимость Украины я у него не помнил. С чего бы это Костик взялся устраивать театр варьете? Ой, мнит-ся мне, не про независимость этот стих...

Костик взял кружку, отхлебнул пива и начал – заунывно, то и дело поглядывая в потолок, точно сверяясь с текстом:

Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава богу, проиграно. Как говорил картавый,
время покажет кузькину мать «руины»,
кость посмертной радости с привкусом Украины.
То не зеленек виден, траченный изотопом,
жовто-блакытний Ленин над Конотопом,
скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам и не надо.

Я с тревогой оглядел зал. Кое-кто пил и ел, но в основном присутствующие слушали. Слушали внимательно и, кажется, начинали что-то подозревать.

Горькой вошни карбованец, семечки в полной жмене.
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с сальными глазами жили, как каторжане.
Скажем им, звонкой матерью паузы метя строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
по адресу на три буквы, на все четыре
стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы

с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, суп выбирая чаще,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще.
Прощевайте, хохлы, прожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днипро, может, он вспять покатит.

У стены кто-то пьяно дернулся, щелкнул пистолетный предохранитель, но полковник с орденом Бандеры сделал предупреждающий жест своим: мол, не трогайте москаля, пусть пока читает. Не время и не место пальбу устраивать. Я был полностью солидарен с полковником, потому что мы находились в ужасающем меньшинстве и к тому же без оружия.

Я откашлялся – в горле словно дерьмом намазали, сделал для успокоения пару глотков пива. Костик тем временем продолжал, теперь уже отведя глаза от потолка и отрубая концы фраз взмахами ладони:

Брезгуя гордо нами, как оскомой битком набитой,
отторгнутые углами и вековой обидой,
не поминайте лихом. Вашего хлеба, неба
нам, подавись вы жмыхом, не подолгом не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду,
кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Полно качать права, шить нам одно, другое,
это земля не дает вам, калунам, покоя.
Ой ты левада, степь, краля, баштан, вареник.
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег,

Как-нибудь перебьемся, а что до слезы из глаза — нет на нее указа: ждать до другого раза.

С богом, орлы и казаки, гетьманы, вертухай, только когда придет и вам помирать, бугай, будете вы хрипеть, царапая край матраса, строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Последние четыре строки Костик произнес в наступившей тишине, нарушаемой лишь капаньем пива на стойку — у толстого бармена тек краник.

— Ох, москаль... — прошипел украинский капитан. — Ох, москаль...

— Сидеть, — громко сказал мудрый полковник с Бандерой. — Всем сидеть!

Тем не менее несколько человек встали, с грохотом отшвырнув стулья, и вышли. Костик улыбнулся, допил свое пиво и сел на место.

— Половину не понял, — честно признался наш прапор, — но там, где про гансов, это ты здорово. И в конце... Про Тараса-пидараса. Где стих взял-то? Сам сочинил?

— Я ж говорю — Бродский, поэт такой. Попался как-то в журнале, я и выучил со скуки, — рассеянно улыбнулся Костик.

— Пристрелят тебя, — горько сказал Беранже. Он, кажется, напился, но сидел ровненько, не заваливался. — Вот на улицу выйдешь, а они там стоят. С автоматами. С пуге... пулеметами...

– И ладно, – кивнул Костик, потирая запястье. Над ремешком часов синел наколотый трезубец и номер: «17610». Лагерь...

Бармен опять включил своего Киркорова, гул стал утихать. К нашему столику подошел молодой старлей-ооновец, вроде как русский.

– Провокации устраиваете, – укоризненно заметил он, сядя на свободный стул.

– А нам накакать, – культурно ответил прапорщик.

– Сейчас патруль вызову, прапорщик, – пригрозил старлей. – Как разговариваете со старшим по званию?!

– Иди хрен соси, голубая каска, – философски ответил Коля. – Какой ты мне старший? Мы партизаны, у нас старших нету. У нас дедушка леший старший.

Ооновец подскочил и хотел что-то заорать, но его дернул за рукав неожиданно очнувшийся Беранже:

– Спокойно, старший лейтенант. Мы сейчас допьем и уходим.

– Вот-вот. – Ооновец взял себя в руки. – Чтобы через десять минут тихо-мирно отсюда убрались. А то вызову патруль, будет хуже.

– А на улице нас ихние не шлепнут? – осведомился прапор, указав на украинских офицеров.

– Не шлепнут, не бойтесь. Но вертеться по улицам тоже не советую, – уже дружески посоветовал ооновец.

– А что нам патруль сделает? – поинтересовался я, когда

ооновец свалил. — На губу посадит?

— Ну, губа тут, конечно, имеется, — рассудил прапорщик, — но, скорее всего, просто звезды дали бы. Тем более кто мы такие? Военные — не военные, штатские — не штатские... Партизаны и есть.

— А я, стало быть, дедушка леший? — Беранже захихикал. Нажрался командир, слабоват он на выпивку, небось и в самом деле поэтов последыш.

— Леший. Скоро все будем как лешие. Грязные, заросшие, жопу лопухами подтирать... — жирно сплюнув на пол, сказал Костик.

В глазах его стояла непроходимая тоска, и я подумал, что вот точно такую тоску видел в свое время в глазах двух пленных украинских спецназовцев. В новеньком камуфляже, только что не с эмблемами своего «Кобзаря» на рукавах — какой дурак, интересно, дал отряду спецназа такое название? — они сидели подле штабной палатки прямо на раскисшей земле. Спецназовцев взяли случайно: они только что расстреляли экипаж нашего подбитого бэтээра, возвращавшийся через линию фронта, и предвкушали уже, наверное, как будут сосать горилку и жрать сало у себя дома, но нарвались на разведгруппу. Четверо полегли, двух тяжело раненных разведчики добили на месте, а еще двух поймали почти невредимыми.

Их даже не били. Разведчики, насмотревшиеся всякого и пережившие всякое, повязали «кобзарей» и приволокли в

штаб.

Теперь они знали, что их расстреляют. Двое парней лет двадцати пяти, одинаковых с лица, коротко стриженных. Один, с перевязанным запястьем, что-то бубнил себе под нос – не то пел, не то молился. Второй молчал, озираясь. И в глазах у них была непроходимая тоска – такая, как сейчас у Костика...

Я вздохнул, взял водку и маханул несколько больших глотков прямо из горлышка.

– Вот это по-нашему, – сказал прапорщик уважительно. – А то: провокации, мать их ети...

Кладовщики, особенно армейские, все похожи друг на друга: пыльные, лысеющие, занудливые. Читал где-то, как раньше думали, что мыши сами по себе заводятся в старом тряпье. Не знаю, как мыши, а кладовщики-каптерщики точно заводятся.

Сонный дядька лет сорока в звании лейтенанта посмотрел на наши верительные грамоты, протянутые прапорщиком Колей, и бесцветно произнес:

– Ох и понавывписывали вам тут... Ну, идите, берите.

Мы пошли и взяли.

На складе было всё: видно, натовцы загрузили. Но мы не стали обольщаться и взяли привычные «калаши» и «стечкины». Лейтенант, правда, уцепил еще и «орла пустыни», на что Костик сказал:

– Жидовская пукалка.

Пукалка, возможно, и жидовская, но неплохая. Я не стал устраивать полемику и тоже взял «орла», так, на всякий случай, раз уж дают. Прапор взял гранатомет. Молодец, прапор, штука нужная, но я бы такую на себе не попер.

Вещмешки мы набили под завязку, особенно поусердствовав насчет еды. И тронулись в путь.

Нас выгрузили из мягкого японского микроавтобуса с правым рулем на окраине, прямо возле леса, и уехали, даже

не попрощавшись. Только водитель, вроде как гражданский, буркнул что-то типа:

– Удачи...

Окраина была как окраина: недостроенные огромные цеха, узкоколейка, платформы на ней, тут и там разбросаны железобетонные конструкции, через дырки в которых местами проросли деревца.

Лес тоже был как лес: смешанный, нехоженный, опутанный паутиной. Мы шли по еле видной тропинке цепочкой: впереди Костик, потом лейтенант, потом прапор, потом я.

Вокруг тропинки, шаг шагни, то и дело сидели группками грибы красноголовцы, не говоря уже о сыроежках.

– Набрать да поджарить потом на костерке, – мечтательно сказал прапорщик.

– Да ну на хрен... – усомнился Беранже. – Грязное всё, активное...

– А что ты дома жрал? Не думаю, что эти грибочки хуже. Хоть белых, но насобираю, – решил прапорщик.

– А вот у нас сыроежки не ели никогда, – вспомнил Костик. – Сорный гриб, мамка говорила. И крошится в пакете.

– Надо с корзиной потому что ходить или с ведром. По грибы-то.

– Консервы жрать будем, – резюмировал старлей, – а о грибах вспомним, как жрать нечего станет.

– Так грибы же... – жалобно сказал прапорщик, но Беранже только махнул рукой.

Часа через полтора из лесу вышли на просеку: видать, когда-то хотели тянуть ЛЭП, вон даже мачта валяется, да потом не до электричества стало. На просеке, метрах в пятидесяти левее нас, стояли горелые танки – вроде как вперемешку наши «Т-80» и «леопарды». Сколько ж тут битого железа поразбросано!

– Передохнем, может? – спросил Костик.

– Еще с километр, потом отдых, – решил старлей. – На просеке не хрен вертеться, сверху видно всё...

– Ты так и знай, – закончил, хихикнув, прапорщик.

Через километр (это по мнению старлея Беранже, мне лично показалось, что чапали раза в три больше) мы уселись на мягком мшистом бугорке под дубками и принялись трапезничать. Всё-таки натовские консервы есть натовские консервы – вкусно... Не то что наши крупы с непрожевываемыми мясными волокнами.

Прапорщик не удержался и схрупал несколько рыжиков, хорошенько посолив их и дождавшись, пока грибки пустят ярко-оранжевый сок. Смотреть на то, как он закусывает и восхищенно вертит головой, было очень приятно, но примеру Коли никто последовать не решился.

– Полдень, – сказал старлей, посмотрев на часы. – Рандеву состоится через три часа, осталось идти десять кэмэ. Ориентир – церковь.

– Интересно, живет тут кто? – пробормотал Костик.

– Живут бабки какие-нибудь. Они чуть ли не в эпицентрах

живут.

– Вот шмальнут эти бабки из-за куста очередью... Расселись тут, жрем... – задумчиво сказал я.

– Да ладно тебе, – отмахнулся старлей. – Доедаем, курим и в путь.

Я задымил сигаретой, вспоминая инструктаж у Салуцко-го. Собственно, ничего внятного нам так и не сказали: дали направление, пояснили, что нас будут ждать там-то и там-то. И всё. Кто будет ждать, зачем ждать – это уже было не про нас. Как и в свое время в милиции, мне ярко продемонстрировали, что доверяют, но до определенных границ.

– А что там у вас за происшествие было в кабаке? – поинтересовался тогда сидевший в углу молчаливый полковник.

– Я Бродского почитал вслух, – встал Костик.

– «Дорогой Карл Двенадцатый»? – усмехнулся полковник. – Читал... Напрасно по мелочам грызетесь. Тем более вы, Логвинов. Вы же по национальности украинец. Так и в паспорте записано.

– Ну и что?

Я покосился на прапорщика – тот подмигнул мне. Ну и Костик.

– Да нет, ничего, Логвинов. Кончать войну надо. Навоевались.

– А вы в лагере не сидели, товарищ полковник? – напористо спросил Костик.

– Я не сидел, – согласился полковник. – Но отлично знаю,

что там несладко. А вы думаете, те же украинцы, что под Великим Новгородом сидели или в Пскове, – они нас за это полюбили? Их там, может, кавунами потчевали?

Костик скрипнул зубами, но ничего не сказал.

– Короче, бросайте эти выходки, – строго сказал полковник, поднимаясь. – Тем более вам придется работать с украинскими специалистами. А вы, старший лейтенант, проследите.

– Есть, товарищ полковник, – вскочил Беранже.

Мне, по большому счету, всё равно было, с кем работать. Хоть с неграми. После прозябания в соседстве с дядей Хорьком это было приключение, и оно мне еще не надоело. И компания подобралась приятная, не буду лукавить. Вот только «украинские специалисты» эти – посмотрим на randevу, что за специалисты.

– Ну, подъем, – сказал старлей.

– Эй, я еще по-большому хотел! – возмутился прапор.

– Потом по-большому сделаешь, около церкви.

– Грешно возле церкви по-большому, – наставительно заметил я.

– Шлаки надо регулярно выводить, – заворчал прапор, навьючивая на себя мешок и доверенный ему гранатомет. – Думаешь, легко идти так вот, не какамши?

– Что ж ты раньше не сходил? – спросил Костик. – Шлаки накапливал?

– Я жрал, потом курил. У меня эти занятия с оправкой

не сочетаются, – огрызнулся прапорщик, и мы тронулись в путь.

– А я вот любил, чтобы сядешь вот так, и закурить, – неожиданно сказал старлей. Мечтательно так сказал. – Одновременно чтобы. И газету... свежую... Или детектив.

Ничего интересного, кроме грибов, в дальнейшей дороге нам не попало. Прапорщик предложил спеть строевую песню, но на него цыкнули все разом, а Костик предположил, что рыжики были с глюками, потому что мутанты, вот прапора и потянуло на песнопения. Они начали было препираться, но тут мы вышли к месту randevu.

Церковь появилась неожиданно: лес расступился, и она возникла на большой опушке, окруженной березами, старая, полуразрушенная, краснокирпичная. То ли ее разломали еще сто лет назад в годы становления советского государства, то ли во время конфликта последнего, не поймешь. Однако какая-то добрая душа уже успела написать на стенке три веселые буквы чем-то черным. Тут же был и нарисован сей предмет, причем довольно стилизованно и неприглядно.

Вокруг – ни души. Мы засели за густым орешником и принялись осматриваться, переговариваясь вполголоса.

– Что-то тихо слишком, – подозрительно сказал Коля. – Давай из гранатомета бацну?

– А если там наши?

Прапорщик пожал плечами и принялся демонстративно ковырять ошметок глины, присохший к коленке: дескать, ес-

ли что, я предупредил, а вы не послушали. Старлей поймал мой вопросительный взгляд и кивнул:

– Пароль – «Гроза». Отзыв – «Самум». Только аккуратно. Вроде ничего не может случиться, а там кто ж его знает... Свистни, если что. А если палить начнешь, сами придем.

Положив вещмешок на траву, я взял «калаш» и побежал в обход, чтобы подойти к церкви сзади. Шагов через двадцать услышал тихие голоса и пополз по лесопосадочной траншее. Голоса приближались. Говорили вроде как по-украински, я подобрался еще ближе и высунулся, хоронясь за косматым чертополохом. Над головой со звоном вились крупные желтые комары, норовя впиться в веки.

Трое сидели возле церкви, прислонясь к разогретой солнцем облупленной стене, и ели. По одежде хрен поймешь: камуфляж, ботинки, тут же пирамидкой стоят «Калашниковы». Жрут, гады, какую-то вяленую рыбу и вареные яички.

– Гроза! – тихонько сказал я, направив на них ствол автомата.

Трое переглянулись.

– Самум, – сказал старший по возрасту.

– Что ж вы охранение не поставили, командосы хреновы? Положил бы вас и дальше пошел...

Я выбрался из траншеи и направился к ним, не опуская на всякий случай автомата. Если что – положу всех от бедра, и ладно. И нету специалистов украинских, коли это и в самом деле они.

– Как это не выставили? – опешил старший. Второй, гладко лысый, покачал головой и сказал:

– Ваську, суку, урою.

С этими словами он пошел за церковь разбираться с невидимым Васькой, который нерадиво нес караульную службу.

– Автомат-то опусти, – лениво сказал третий, обсасывая хвостик. – Тебе ж сказали – «Самум». Фули тебе еще надо?

Я улыбнулся:

– А пивка у вас к рыбке нету?

– Ага. И бабу. – Третий поднялся, протянул руку. – Москаленко. Капитан.

– Птахин. Сержант.

– А выделяешься, как полковник, – заметил он. – Зови своих, что ли...

Я громко свистнул. Через минуту мои появились из-за угла, одновременно с противоположной стороны показались лысый и опечаленный Васька с ручняком на плече. Васька тер щеку, на которой явственно расплывался кровоподтек. Ну и порядочки у них...

Принялись знакомиться. Васька оказался почти что моим земляком, из пригорода, и носил скромные голые погоны. Потому его и шпыняли, особенно если учесть, что трое остальных были капитанами. Украинскими капитанами при нашем прикомандированном Ваське. То-то они его шпыняют.

– Три капитана, – поморщился Костик. – Вы хоть посчи-

тайтесь, что ли, кто будет главный. Или по очереди командуйте.

– А тут считаться нечего, – отрезал Москаленко. – Я и командую. Блошкин вон доктор, у него своя епархия, а Шевкун особист, тоже свое задание имеет. Так что все вопросы решены. Теперь о деле. Наша задача проста: пройти из пункта А в пункт Б. Пункт А – вот эта самая церковь. Про пункт Б говорить ничего не буду, потому что идти до него далеко, а в дороге всякое случается. Больше никаких союзников мы встретить не должны, потому приказ – стрелять во всё, что движется. Вопросы?

Блошкин был самый старый, Шевкун – лысая башка. Всё понятно. Украинские специалисты, мать их ети.

– Посрать можно? Срать хочу, аж ногами топочу, – попросил-сказал прапорщик. Москаленко кивнул, и Коля, расстегивая на ходу ремень, потрусил в кусты. Москаленко повернулся к нашему старлею:

– Товарищ старший лейтенант, а с дисциплиной у вас не ахти.

– Так и у вас тоже. Вон, часовой на посту ягоды жрал, – огрызнулся старлей.

– Вот и заработал. Кстати, часовой всё-таки из ваших... Советская Армия остается Советской Армией при любом режиме. Церемониться не буду, старший лейтенант, а товарищ Шевкун мне поможет.

Лысый хмыкнул. Он не понравился мне с первого раза,

как только я его увидел, и я понял, что мы еще схлестнемся. Особист хренов.

– Я так понимаю, мы сейчас двинемся? – спросил Беранже, поправляя вещмешок.

– Именно. Сруль ваш вернется, и пойдем. Дотемна надо километров двадцать пять отмахать, иначе из графика выпадем.

– Еще и график какой-то... – проворчал Костик, разминая сигарету и оглядываясь, не подслушивает ли лысый. – Попали, блинский блин... Три капитана, из пункта А в пункт Б... Может, рванем на хрен отсюда? Ночью? Автоматы есть, жратвы полно...

– Погодим немножко. Посмотрим, что к чему. Тем более куда деваться, братан? Ну, выйдем мы на нейтралку, и что? Пирогов дадут? Положат на хрен...

Впереди пошел особист, за ним – мы с Костилом, потом доктор и Москаленко, а наш старлей и прапор с гранатометом замыкали шествие. Затянутая травой лесная дорога еле-еле угадывалась под ногами, и особист периодически сверялся с картой и компасом.

– Где служил, сержант? – спросил он однажды, обернувшись.

– В танковых.

– Я имею в виду, воевал где?

– И здесь воевал, и на Кавказе... Грузинская кампания.

– Ясно.

И больше со мной не заговаривал: то ли узнал всё, что хотел, то ли я его чем-то разочаровал. И хрен с ним.

Двадцать пять километров мы отмахали легко – то ли с непривычки, то ли Москаленко, сволочь, незримо придавал нам силы. Когда он велел останавливаться на ночевку, я даже удивился.

– Сержант, рядовые, займитесь костром. Вот здесь, в ложине, чтобы пламени не было видно, – приказал он.

Мы пошли собирать сушняк, а доктор и прапорщик занялись открыванием консервов. Стало быть, субординация у нас теперь. Табель о рангах. И по этой табели мы с Костиком где-то в самом низу, вместе с несчастным Васькой, над нами – Коля и доктор, который хотя и капитан, но не совсем настоящий, потом идет наш старлей, далее особист и наверху Москаленко. Я поделился своими умозаключениями с Костиком, который согласился:

– И будут они нас иметь во все отверстия, как бог черепашек. Так что ты рассуди, не пора ли нам сваливать отсюда. А то можно капитана грохнуть с лысым...

– Слушай, тебе неинтересно, куда идем-то?

– А... Мы, Валер, расходный материал. Идут Москаленко с лысым, а мы все так, временно. Даже старлей с врачом. А как придем куда надо, тут нас и пошлепают. Думаешь, зачем нас собирали по сусекам? Взяли бы человек десять из любого спецназа, и все игрушки. В парашу всю эту затею, вот что я

тебе скажу, сержант. В парашу.

– Не скажи. Ты спецпроверку медицинскую проходил?

– Типа того. К машинке подключали, чего-то сканировали, засовывали в трубу – томография магнитная вроде называется...

– Ну вот. А ты говоришь – десять человек из любого спецназа. Не из любого, Костян. Вон убогого зачем взяли?

– А щас спросим, – сказал Костик. – Эй, Вась!

Хмуро бродивший и трещащий во тьме сучьями Васька отозвался.

– Иди сюда. Спросить чего хочу.

– Ну, чего?

– Где таких пидоров нашел, вот чего... Что за люди?

– А я знаю? Я при докторе был. Вызвали, сказали, будешь сопровождать. Я срочник, куда мне деваться...

– Эх, ты, чудила... Я-то думал, ты в курсе.

– Ага... – обиженно проворчал Васька. – Скажут они. А особист, жаба, чуть что – по морде...

– Где служил-то?

– А здесь и служил, в госпитале. Охрана медицинского городка. А чего к хохлам попал, и сам не знаю... Хотя городок там на нейтралке общий. И наши, и ихние стерегут.

– А тебя обследовали медицинским образом? – спросил я сурово.

– Чиво? – не понял Васюня.

– Ну, проводки присоединяли? Исследовали?

– А, это... Было. Я напугался еще, думал, током долбанет.

– Вот видишь, – жестко сказал я. – Еще один мученик в подтверждение моей версии. Ладно, Васюня, иди палки собирай, а то еще по морде получишь. Да не звони, о чем мы спрашивали.

– Вот еще, – еще больше обиделся Васька и ушел во мрак.

Развели костер, поужинали без особенных разговоров, выпили по чуть-чуть – больше Москаленко не позволил, мол, впереди долгий путь, – и легли спать. В охранение пошли я и Васька с его пулеметом, через четыре часа нас должны были сменить прапорщик и особист, из чего я сделал вывод, что Шевкун решил совместить приятное с полезным и поработать с бедным Колей. Хотя еще кто бедный... Коля еще тот мастер разговорного жанра, любого особиста заморит. Звездобол.

Я сел на поваленный ствол метрах в пятнадцати от костра, определив Васю с пулеметом на другую сторону лощины. А ведь прав Костик, всё тут очень подозрительно. Конечно, насобирали они людей хоть и случайных, а рискованных. Хотя медицинская эта фишка... Но чего во мне такого уникального? Человек как человек, мыслей не читаю, бензином не ссу, молнии из глаз не вылетают... Что они там такое нашли необычное? Или врут, суки? Рисковые люди, да: Костик – морпех, лагерник; лейтенант – малый не дурак и опять же с опытом; я, без лишней скромности скажем, вообще герой... Коля, правда, строитель, но уж больно мудрый тип, явно не

без изюминки. А вот наши спутники... Васька – дурак, и уши холодные. Вот уж точно расходный материал – подай-принеси, вопросов лишних не задавай, ежели что – получи по рылу. Доктор есть доктор, без него нельзя, вдруг ранят кого или у господ офицеров понос приключится. А вот особист и Москаленко и есть в самом деле ядро группы. Они всё знают и не собираются вводить в курс дела остальных. И очень даже неизвестно, что они с этими остальными собираются сделать, когда надобность в них отпадет.

Ну, уж я-то просто так не дамся.

Хотя медицинские эти штучки... Или в самом деле по ним всё просчитывали? Тогда куда ж мы идем? В какие гребеня? Мама моя родная...

Наши четыре часа прошли незаметно, я и задремать-то не сподобился, да и комары не давали, и, когда прапорщик Коля подошел меня сменить, я спросил:

– У тебя выпить не осталось?

– Плещется что-то во фляжке, – смутно ответил Коля.

– Дай-ка глотну. А то бессонница долбит...

Во фляжке плескалась примерно половина, и я сделал два больших глотка, прикинув, что Коле хватит. Прапорщик скаредно хмыкнул, но ничего не сказал.

Я лег у еле-еле мерцавшего во тьме костра и закрыл глаза. Спать не хотелось, хотелось жрать. Я сел, порылся в своем вещмешке, нашел сухарь и принялся грызть. И не заметил, как заснул прямо с недоеденным сухарем в руке – словно

провалился.

В последнее время я видел в основном батальные сны, и сегодняшняя ночь не стала исключением. Разгром колонны на Военно-Грузинской дороге я помнил в деталях, и все эти детали продемонстрировал сейчас мой мозг.

Тогда мне повезло, как повезло и под Черниговом. Наш танк застрял между двумя подбитыми машинами и судорожно дергался взад-вперед, пытаюсь выбраться. Наконец мы столкнули передний «Т-90» на обочину и стали потихоньку продвигаться вперед, и тут начали бомбить. Почему лейтенант с простой фамилией Иванов скомандовал покинуть машину, я уже не помню. То ли повредили нас, то ли просто зассали... Но только очнулся я метрах в сорока от танка, вжавшись в битый песчаник, а рядом валялась чья-то голова в танковом шлеме. Я не стал терять время на установление личности погибшего, пусть этим похоронная команда занимается, а взял ноги в руки и стал драпать вместе с отходящими остатками колонны. С километр я просто бежал, спотыкаясь об исковерканные железяки и трупы, падая, рожу в кровь разбил, а потом меня взял на броню БТР с номером 213. До смерти запомню номер, потому что два промахнули мимо, а этот остановился. Из люка торчал старший сержант со звездой Героя России и страшно матерился. Кричал, чтоб я быстро лез на броню, поминал маму, папу, всех родственников... Потом я узнал, что сержанта звали Володя Красин-

ский и получил он Героя за какую-то очередную чеченскую кампанию, а погиб он чуть позже, поймали его каким-то образом в Панкисском ущелье и голову на хрен отрезали. Вроде прислали потом родителям с оказией, в засоленном виде.

А я с ним и поговорить-то не успел...

На исходе второго дня совместного пути нам встретился местный житель. Это был мужик неопределенного возраста – я бы сказал, где-то под шестьдесят, но хрен их знает при ихней жизни – в резиновых бахилах от костюма химзащиты, ватных штанах и грязном, рваном пиджаке на голое тело. На голове у мужика была армейская панама с украинским трезубцем, а на плече болтался автомат, старый «калашников» калибра 7,62 с деревянным прикладом. За плечами эта сука тащила тяжелый мешок.

Налетели на него мы с Костиком и особенно не церемонились. Автомат мужика полетел в одну сторону, сам он, сбитый ударом приклада, – в другую. Вояка был еще тот: мало что старый, так еще и здорово выпивши. Костик сильно разбил ему скулу, и теперь мужик сидел в папоротниках, утираясь и что-то сердито бормоча.

Особист обрадовался: какая-никакая, а добыча. Пока мыковырялись в консервах, радуясь неожиданному привалу, Шевкун колот мужика. Колоть его было и не надо, мужик сам обиженным тоном рассказывал всё, что знал и о чем догадывался. Шел он из Рожновки в некое Ивашино к троюродному брату, нес швейную машинку чинить. Машинка лежала тут же, в мешке. Подольская швейная машинка, у мамки такая была.

– А далеко до Рожновки? – спросил особист солидно.

– Каламетров восемь, – сказал мужик, сопя. – По тропе если.

– А до Ивашина?

– До Ивашина каламетров двенадцать еще, оно справа осталось.

– Ясно. В Рожновке народу много живет?

– Пять семей да бабок трое. А в Ивашине поболее, там семей двенадцать. Может, двадцать, примачи ищо... И трактор у них есть гусеничный. «ДТ».

– Автомат где взял? – задал банальный вопрос особист.

Мужик пожал плечами:

– Да тут валяется по лесам... В Монастырском на танке пашут, из болота вынули и пашут... – Мужик согнал крупного комара, лепившегося на свежую кровь. – Автоматов ентих в свое время собирали мешками. Только они без надобности, автоматы. Сеялку ба...

– Ясно, – повторил Шевкун. – Ладно. Сеялку вам...

Он сверился по карте, убрал ее в сумку и деловито, без лишних движений застрелил мужика из своего пистолета. Мужик упал на бок в папоротники, не издав ни звука. На него сразу накинулись муравьи – крупные, с ноготь, коричневые, я таких раньше не видел. Мутанты, что ли?

Я отвернулся, не стал глядеть, как муравьи грызутдохлого мужика.

– Может, можно было... – начал было доктор, но Шевкун

застегнул кобуру и покачал головой:

– Установка – никаких свидетелей. Нельзя было.

– А выстрел-то могли и слышать, – сухо заметил наш лейтенант словно в пространство. – Восемь километров...

– Думаешь, мало тут по лесам стреляют? – спросил Шевкун. – Мешками автоматы собирали.

Как выяснилось, лейтенант был прав на все сто. Выстрел, конечно же, слышали. Взяли нас ночью, подобравшись совсем незаметно, начав с часовых. Меня долбанули по голове чем-то деревянным, от чего я вырубился и очухался только валяясь связанным по рукам и ногам на какой-то вонючей соломе. В темноте поодаль отчетливо хрюкала свинья.

– Живой кто есть? – спросил я, сплюнув накопившуюся в горле соленую засохшую дрянь.

– Есть, – отозвался прапорщик. – Все живые, только побитые. Ты как там, Валерьян?

– Хреновато. Башка болит, окостенел весь... Кто ж это нас?

– Полагаю, местные жители. Ивашино либо Рожновка... Волокли далеко, так что, наверное, Ивашино. И трактор вроде тархтел с час назад.

– Вот мужик нам боком и вышел, – добавил невидимый Костик. – Твари, два зуба выбили. И руку вывихнули, кажется...

– А что это господа офицеры молчат? – осведомился я.

– Все в говне свином, вот и молчат, – это ответил Шевкун. Судя по невнятной речи, он то ли прикусил язык, то ли ему челюсть свернули. Так ему и надо, падле.

– Что делать будем? – поинтересовался я.

– Валяться, – буркнул Костик. – Повязанные все, как гуси, что нам делать еще-то...

– Валяться, – передразнил прапорщик. – Удавят за милую душу эти селяне хреновы... Надо развязываться как-то. Ну-ка посмотрите, у кого там руки послабже связаны? Столько народу, явно кого-нибудь связали плохо.

Все начали кряхтеть и ворочаться, проверяя свои путы. Наконец, доктор сказал удивленно:

– А знаете, получается. У меня как-то слабо... понапутано тут... Намотано...

– Дергай тогда сильнее, только не затяни, – рыкнул Москаленко.

Доктор повозился минут пять, потом радостно пискнул и сообщил:

– Готово. Нет, в самом деле готово!

– Так не сиди, нас развязывай, – велел Москаленко.

Доктор подобрался к нему, и через некоторое время все мы сидели и растирали запястья. Костик плевался кровью и пристраивал на перевязь из куса тряпки свою вывихнутую руку, которую доктор быстренько вправил.

– Ну, пидоры! Ну... – рычал Костик, пока Шевкун его не успокоил:

– Хорош матюкаться. Думать надо, что дальше делать.

– Хули думать, прыгать надо... – мрачно процитировал Костик старый анекдот про прапорщика, но замолчал.

Москаленко, шелестя соломой, полез осматривать бревенчатые стены сарая, вернулся недовольный.

– Никаких тебе дырок.

– А вот сейчас придут за нами, мы им зубы и посчитаем, – сказал наш боевой прапорщик, но доктор возразил:

– А если у них автоматы? Положат всех в хлеву...

– И ладно, и черт с ними, – не унимался прапорщик. – В хлеву так в хлеву. Не хватало еще колхозников этих немых бояться...

– Тихо. Идет кто-то, – предостерег лейтенант, карауливший у дверей. Все разлеглись, где были, завернув руки за спины.

Залязгали железяки, со скрипом отворилась большая дверь, и в хлев вошел мужик с автоматом. За ним – второй, стал на самом пороге, чтобы держать всё помещение под контролем. Колхозники-то колхозники, но борьба за выживание, знать, научила...

– Лежите? – спросил первый мужик, толстый, с выпяченными губами. К нижней прилипла потухшая самокрутка.

– Лежим, – отозвался Москаленко.

– А зачем Мишаню убили, братана моего?

– Неудачно попался. Мы люди военные, ты уж не обессудь, – сказал Москаленко.

– Не обоссуть... – Мужик сплюнул самокрутку, растер сапогом. – И не обосрут... Будем мы вас, робяты, кончать. Не нужны вы нам такие крученые.

– А может, добром разойдемся? – спросил Москаленко.

– А што с вас добром взять? И так всё взяли, хе-хе... Разве отодрать вас, да баб у нас еще мало-мало осталось, да и противно...

– Ну и соси ты хер, как мишка лапу. Давай, лейтенант, – сказал будничным тоном Москаленко, и лейтенант грохнул сапогом в дверь.

Тяжелая воротина ударила не ожидающего подвоха второго мужика и выпихнула его на улицу, а Москаленко и я одновременно бросились на толстого. Несколько секунд мы выкручивали автомат из его рук, потом еще несколько секунд вырывали друг у друга, пока Москаленко, наконец, не рявкнул:

– Сержант!

Я опомнился, выпустил автомат и, чтобы сорвать зло, пнул упавшего на колени толстяка. Тот что-то забормотал и повалился на бок.

Второй мужик как раз отворил дверь и сунулся внутрь, по-сему получил пулю. Упавший автомат подхватил лейтенант.

– Так их! – завопил Костик. – Бей пидарню!

Выстрелы, конечно же, слышали, и вся деревня сбегалась сейчас к нашему хлеву. Выбор был невелик: сидеть тут и ждать, пока хлев подпалят, либо прорываться. С двумя ав-

томатами это было вполне возможно. Наскоро пристрелив толстого, хватавшего нас руками за ноги и оравшего в голос что-то про деток, мы выскочили наружу. Лейтенант и Москаленко тут же усмирили короткими очередями сбегавшихся селян, попрятавшихся за заборами и за углами хат, и все, не сговариваясь, побежали к большому беленому дому, возле которого стоял допотопный оранжевый трактор «ДТ». Это, видимо, был сельсовет, или как там он могу них теперь называться.

Рассудили мы верно: всю нашу амуницию стащили сюда и заперли в кладовке. Это разъяснил нам взятый в плен мужичонка с одной ногой.

– Я ж свой, – бормотал он, шаря в столе связку ключей. – Я ж в связи служил... Ефрейтор...

Заслуженного ефрейтора связи мы трогать не стали, просто заперли в той же кладовке. С улицы кто-то пальнул по окнам, но это нам были семечки. Теперь оружия хватало. Жратву, правда, растащили, но не собирать же ее теперь по домам... И гранатомет неизвестно где – нету гранатомета в кладовке. А без него плохо. Пока они, положим, перепугались, а ну как местный Рэмбо додумается, что нас не так уж много и мы в хате сидим? У них небось и ручные гранаты есть, кроме нашего-то гранатомета...

Распахнув ударом ноги входную дверь, Москаленко крикнул:

– Эй, уроды, слышите меня? Если будете стрелять, устро-

им вам козу на возу: трактор взорвем к чертям свинячьим и народу положим немерено! Уяснили? Как будете без трактора? На бабах пахать?

– На жабах, – хмыкнул Костик.

Некоторое время снаружи напряженно молчали, потом густой бас отозвался:

– А чего надо, командир?

– Мы тихо-мирно уходим, а вы нам не мешайте. Провожатого дайте, а то черт вас знает, куда нас затащили... Идет?

– Идет, – сказал бас без промедления. – Выходьте.

– Хитрый ты хрен, – заорал прапорщик. – Давай сперва провожатого! А то сейчас гранату в трактор кину, и капец!

Спустя минуту в сельсовет осторожно заглянул пацан лет двенадцати.

– Я вот он, дяденьки, – испуганно сказал он.

– Ты, что ли, провожатый? – спросил Костик.

– Я.

– Ладно.

Москаленко вывел пацана на крыльцо, сунув ему в спину ствол автомата, и громко сказал:

– Если пацана не жалко, можете стрелять.

– Идите уж, – сказал здоровый дядя в телогрейке, выходя из-за угла горелого сруба. В руке дядя держал наш гранатомет.

– Не надо было нас трогать, всё бы миром и кончилось, – наставительно сказал доктор.

– А Мишаню нашто убили? – спросил дядя.

– Попался не ко времени ваш Мишаня. Я лично против него ничего не имел.

– То-то и оно, – пригорюнился дядя. – Ну идите ж вы быстрее, пока кто глупостей не сотворил.

– Гранатомет отдай, – сказал прапорщик.

– Гранатомет не отдам, – покачал головой дядя. – Там граната одна всего осталась, вам ни к чему, а нам в дело.

– Откуда одна?! – возмутился прапорщик. – Много было!

– Слушай, мужик, что ж мне врать? – обиделся дядя. – Может, скрал кто из наших, но у меня вот одна. Не берите греха надушу, оставьте волюну.

– Воле-ыну... – пробурчал прапорщик. – Хер с тобой, будем теперь торговаться... Счастья вам, колхозники. Вы хоть этой гранатой звезданите куда надо.

К выходу из деревни мы шли настороже, но ничего не случилось. Пацана жалели, наверное. Да и при оружии мы теперь были, а кресты, похоже, в сравнении с нами всё же не бойцы.

– Звать тебя как, чучело? – спросил Костик.

– Толик, – сказал пацан.

Отойдя от деревни километра на два, мы сделали кратковременный привал, во время которого Москаленко набил морду Васюне, проспавшему на часах и фактически сдавшему нас селянам. Никто за Васюню не заступался, он и сам понимал вину и только покорно поднимался, вновь и вновь

подставляя лицо зуботычинам. Москаленко бил умело, чтобы не повредить глаз и не сломать челюсть, но чтобы было больно.

Толик смотрел на происходящее с ужасом.

– Такая штука армия, Толик, – сказал лейтенант, натужно кашляя. – А ну как твои землячки нас бы сонными порешили? Хорошо еще, что просто связали... Чего с нами сделать хотели, а?

– Работать бы заставили... – пробормотал Толик.

– А убить обещали.

– Пугали, – уверенно сказал Толик. – На хрена вас убивать? Пользы-то нету никакой...

– Ты не бойся, пацан, – обратился к нему Москаленко. Капитан улыбался и был почти похож на человека. – Мы тебе ничего не сделаем, отпустим километров через двадцать, вернешься домой, и все дела.

Пацан, по-моему, не поверил, но мы его действительно отпустили, и даже не через двадцать километров, а гораздо раньше. Когда отряд вышел на широкую наезженную лесную дорогу, Москаленко довольно хекнул и велел Толику убираться. Тот пошел, оглядываясь, а метров через двадцать так рванул, что только пятки сверкали. Кто-то, кажется, прапорщик, залихватски свистнул ему вслед, но Шевкун невнятно заметил:

– Я те свистну!

Честно говоря, я думал, что Толика убьют, и был искренне

рад, когда этого не случилось.

Потом не было ничего интересного. Шли, шли, шли, жевали сухари, завалявшиеся у доктора в сумке (его сумку с медикаментами мы спасли). Прапорщик взялся было рассказывать анекдоты, первый рассказал и впрямь смешной, а потом пошла всякая древняя муть, и Шевкун велел ему заткнуться. Прикушенный язык, кажется, сильно испортил ему настроение.

Около двух перебрались через железнодорожную насыпь. Ржавые рельсы уходили в обе стороны и терялись в лесу. Давненько тут никто не ездил.

Спустя еще полчаса над лесом пророкотал вертолет. Он прошел метрах в ста слева от нас, низко низко над деревьями, так что мы его не увидели.

– Хоронится, – отметил Москаленко. – Над самым лесом идет, чтоб снизу не долбанули из «стингера» или другой какой хитрой техники...

К вечеру мы набрали на брошенную деревеньку. Несколько домов, старый сельмаг, маленький кирпичный дом культуры со сгоревшей крышей, поваленные столбы с путаницей проводов. То ли во время войны разбежались, то ли тихо вымерли, но уже года два тут никто точно не жил. Единственным обитателем был аист, угрюмо смотревший на нас из своего растрепанного гнезда на старом тополе.

– Переночуем тут, – решил Москаленко.

Из хат самой целой был сельмаг, там мы и разместились.

В охранение выставили Костика и меня.

– Я дреману, – сказал Костик, – а ты меня разбуди через час.

– А стеречь?

– В одну воронку два раза не попадает. Не каждую же ночь нас глушить будут. Да я вполглаза, не волнуйся...

Я посмотрел на часы – старый «Восток» говорил, что сейчас почти девять, то бишь двадцать один ноль ноль.

– Спи уж до полуночи.

– Запросто. Пожрать бы еще...

– Прапор наш пошел по огородам шуровать, может, и найдет чего. Тогда разбужу.

Коля приволок массу еды: морковку, зеленый лук, всякие травки. Особо не разойдешься, но желудок есть чем набить.

– Словно кобылы. Или кролики, – пробормотал наш старлей, хрустя морковкой. – Соли бы еще...

– Соль вредна, – наставительно сказал прапорщик.

– Но лук без соли жрать противно...

– Жрите вот морковку, товарищ старший лейтенант. Она сладенькая, можно и без соли.

– Пошел ты... – беззлобно сказал Беранже, но послушно ухватил морковку.

– Нантская, – сказал доктор Блошкин.

– Чего?!

– Нантская, – повторил Блошкин. – Морковка. Сорт такой. Не конусом, а одинаковая по диаметру по всей длине...

Не выродилась, хотя времени уже сколько прошло, самосейкой же растет...

Мы с Костиком молча сжевали свою долю зелени, и он опять завалился спать, а я сел на пустой ящик и задумался.

Завтра у меня день рождения. Тридцатник. Приходилось отмечать и на войне, и еще бог знает где, но вот в такой компании и в подобной обстановке – ни разу. Сказать, что ли, мужикам? Москаленко небось официально, поздравит, а даже и выпить нечего. У доктора разве спиртом разжиться? Юбилей всё-таки.

Доктор как раз вышел по малой нужде. В наползающих сумерках он попытался вывести что-то струей на дощатой стене сарайчика, тихонько ругнулся – видать, не получилось.

– Товарищ капитан, – позвал я.

Доктор, деловито застегивая ширинку, подошел ко мне.

– Товарищ капитан, у меня день рождения завтра...

– Поздравляю, – сказал он.

– Завтра будете поздравлять. Я в смысле спирта.

– Чего? – не понял он.

– Отметить надо. Спиртику. Чуть-чуть хотя бы.

– А-а... Договорились, – неожиданно легко сказал он. Сам, видно, бухануть захотел. – А капитан разрешит?

– Куда он денется... У вас там хоть сколько его?

– Спирта-то? Граммов двести пятьдесят, девяностошести процентный.

– Значит, пол-литра в пересчете на обычную. Даже чуть

больше... – прикинул я. – Неплохо. Спасибо, товарищ капитан.

– Да не за что... – пожал он плечами. – У меня йод есть, так что раны обрабатывать...

– Уж как-нибудь без ран обойдемся, – перебил я его.

Ночь прошла без происшествий. Разная ночная лесная зараза урчала и кричала в темноте, все спали, я разбудил Костика в установленный срок и завалился спать.

С утра выяснилось, что прапорщик Коля заболел. Доктор намерил ему аж тридцать девять и восемь и напичкал какими-то пилюлями.

– Ему бы полежать, – несмело сказал он Москаленко.

Капитан пожал плечами:

– Вы же понимаете, что это невозможно. Как себя чувствуешь?

– Погано, – честно сказал Коля. Его бил озноб.

– Идти можешь?

– А хули, тут, что ли, оставаться... – Коля, опираясь на автомат, поднялся.

Москаленко удовлетворенно кивнул:

– Главное – темп держи.

– А хули, – повторил Коля. Ему, видно, действительно было очень плохо.

Скушав безо всякого аппетита по нантской морковке, мы двинулись дальше.

Километрах в пяти от деревни через лес шла вполне при-

стойная бетонка. Москаленко и Шевкун объявили пятиминутный привал и о чем-то долго шептались поодаль. Коля сидел под кустом на обочине и тяжело дышал.

– Угораздило же тебя, – сочувственно сказал наш старлей.

Он в последнее время был какой-то незаметный и потерянный. Оно и понятно: столько офицерья, притом такого поганого... Старлей получался уже как бы и не начальник, а так, ни пришей, ни пристебай. Эх, Беранже, Беранже... Даром что праправнук французского поэта.

– И сам не знаю, как, – виноватился Коля. – Я вообще простуду не цепляю. Хоть жопой в прорубь! А тут – среди лета. Стыдно.

– Может, грибы твои? – спросил я.

– Да я их черт-те когда ел. Кстати, заметили, грибов вокруг нету? – неожиданно дошло до прапора.

– Мало ли. Ну, не растут они здесь.

– Они везде растут. Поганки, мухоморы... Какие-то должны быть, а их нету.

– Че ты дергаешься? – сказал я, пиная старую покрышку, брошенную здесь, наверное, еще в мирные времена. – Вывелись. Химия какая-нибудь, радиация, еще что...

– А, ну да, – успокоился прапор. – Не, но всё ж как же я...

– Плюнь, – посоветовал Костик. – Пусть они вон беспокоятся. – Он кивнул в сторону капитанов.

– Им-то что... – пробормотал прапорщик. – Пристрелят, и все дела.

– Я им пристрелю, – сказал старлей.

– И тебя пристрелят, – махнул рукой Коля. – Им плевать.

– Хорош, – сказал я. – Никто никого не пристрелит. Не марафон бежим, сбавим скорость, и чудно. Доктор тебе еще кольнет чего, и будешь как малосольный огурец.

– Пожрать бы, – протянул Коля. – Лучше всех уколов. А то как кроль, моркву и траву журу.

На очередном переходе я догнал Москаленко и сказал:

– Товарищ капитан, у меня сегодня день рождения. Тридцать.

– И что? – спросил он, скосившись.

От него пахло одеколоном. С собой, что ли, носит? Не видал, но не удивлюсь.

– Вечерком посидеть бы. Выпить немного.

– И выпить есть?

– Есть.

– И что?

– Да закуски бы спроворить. Лес крутом, зверье непутаное... Опять-таки есть что-то надо.

– Есть надо... – задумчиво сказал капитан. – А ну как не добудешь никого?

– Добуду, – уверенно сказал я. – Зайца паршивого, но пристрелю.

Однако зайцев не попадалось. Пару раз кто-то незаметный с шумом взлетал из кустов, а больше никакой дичи, как назло. Я вернулся с пустыми руками и виновато посмотрел на

спутников.

– Да ничего, – сказал Москаленко. – Запросто. Так посидим.

– Так неинтересно... – сморщился пылавший жаром Коля.

– Цыганы ежеиков вроде едят, – подал голос придурок Васюня.

– Пош-шел ты... – буркнул Коля.

– Тихо... – Костик поднял палец. Все умолкли, переглядываясь.

– Слышите? – спросил Костик.

– А что? – недоуменно выпучил глаза Васюня, шевеля своей распухшей мордой.

– Жабы... – торжественно произнес Костик.

Жаб, а вернее, лягушек мы ловили подручными средствами – кто майкой, кто руками, кто (а именно Васюня) черпал зеленую воду сапогом. Огромная мелкая лужа с теплой жижей приютила их сотни и тысячи. Длительное время обитавшие в тишине и покое амфибии с истошным кваком метались в разные стороны, а мы пихали их в вещмешки.

– Хватит! – крикнул Москаленко, который принимал участие в лягушиной охоте наравне со всеми.

Я от него подобной прыти не ожидал, но капитану, видать, самому наскучило командовать да тупо топать по лесным тропинкам.

Мы замерли, переводя дух. Коля, с которого и жар-то слетел, поднялся с колен посередине лужи и спросил:

– А про запас? Когда еще такой заповедник встретится.

– Ты их что, вялить собрался? – спросил Москаленко.

– Зажарить впрок...

– Не парься. В любой болотине наловим, а жаренка твоя тут же стухнет. Верно, доктор?

– Верно, – подтвердил Блошкин. – Усремся потом.

– А от свежей жаренки ничего не будет? Французы небось не таких едят... – сказал я.

– Они ж чистенькие. – Доктор выбрался на бережок и тщательно отряхивал с ног ряску. – Вот жабы, которые в огороде живут, тех есть нельзя. А этих, зеленых – на здоровье. Диетическое мясо.

Коля с сожалением бросил в воду последнюю лягуху, которая, так и не осознав привалившего счастья, поплыла прочь прятаться, и вылез на берег. За ним последовали остальные.

– Ого! – удивился лейтенант, заглянув в мой мешок. – Центнер мяса!

– Да тут жратвы – одни лапки, – недовольно пробубнил Коля, выжимая штанину. – А они махонькие, это ж не бройлеры. Вон американские ноги куриные – с мою почти размером!

– Не жидись, прапорщик, – строго сказал Шевкун. – На всех хватит.

Лягушек резво распотрошили и принялись стряпать: оторванные лапки-окорочка испекли в костре на большом плос-

ком камне. Некоторых из тварей прапор поименовал «мичуринской мясной породой», потому что при жизни они передвигались кто на пяти, а кто и на шести ногах. Правда, дополнительные ноги не всегда были задние, мясистые...

Мясо было перепачкано гарью, чуть приванивало болотом, но оказалось тем не менее вполне съедобным. Диетическое, прав был пан Блошкин, на курицу немного смахивает. А уж под докторский спирт так и вовсе замечательно пошло. В качестве гарнира использовали остатки морковки и зелени с огорода – получился туристический стол не самого дурного пошиба. На гражданке я так не каждый день жрал... Да что там, не каждую неделю. Хули врать.

Тост сказал Москаленко, который, как ни крути, был всё же старший.

– Ну, сержант, – он повертел в руке берестяной стаканчик, Васюня искусно сработал каждому по посудинке, пока жарились лягухи, – бывай. Расти большой, не будь лапшой. Вылезем – отметим по-хорошему, с бабенциями и шампанским. Не вылезем – не один ли корень, сколько там тебе лет было. Так ведь?

– Так, товарищ капитан, – сказал я бодрым голосом.

– Ну и за твоё здоровье тогда. – Капитан выдохнул и одним глотком осушил гильзу.

Пили по чуть-чуть, чтобы на дольше хватило. В охране маялся затюканный Васюня, и я спросил Москаленко:

– Может, снесу ему выпить и пару лапок? Стаканы всё ж

делал.

– Потом пожрет, – отказал тот. – А пить ему не надо, и так дебильный.

Потом я задремал у костра, ощущая в желудке приятную сытую тяжесть. Стемнело. Кто-то громко посапывал, старлей мрачно чистил автомат, пружина скакнула в траву, он полез ее искать, шепотом поминая «драные железяки». Заснул я, когда Васюню сменил Костик. Я еще успел увидеть, как бедный Васюня, хрустя, прямо с костями пожирает остывшие лапки, и провалился в глубокий сон.

Голова болела так, словно я осадил в одно рыло не пару гильз, а минимум литр этого самого спирта. Судя по унылым рожам соратников, они переживали то же самое, бодрыми выглядели лишь Васюня и Костик. Даже Москаленко тер виски и то и дело тошнотно плевался. Доктору пришлось хуже всех – он бегал блевать, хотя блевать-то уже ему было и нечем. Слушая, как доктор икает и давится возле куста, прапор заметил:

– Спирт небось из говна какого-нибудь. От чистого медицинского так не ломает. Да и выпили сущую ерунду, простой водки выжрали бы куда больше, и ничего бы.

– Всё равно больше никакого спирту нет, – сказал Костик. – Последний раз пили.

– Не хрен тут звездеть! – вскинулся прапор. – «Последний»... Чтoб у тебя на лбу солоп вырос. Кто тебя так гово-

ритель учил?

– Пошел ты... – беззлобно проворчал Костик. Пахнущего блевотиной Айболита капитан велел вести мне и Костику. Не то чтобы волочить на себе, но поддерживать, чтобы медикус не ударился рылом в грязь. Ну, мы и пошли. На график Москаленко, похоже, плюнул – какие теперь графики. Да и не было никакого графика, гадам буду – это капитан для порядку придумал. Для солидности.

Приметы бывшей цивилизации периодически попадались на дороге, повергая нас в странную радость. Миновали поле, буйно заросшее какими-то злаками вперемешку с дикими травами, на поле стояли несколько комбайнов. Когда-то красные, а сейчас насквозь ржавые, покрытые пробойнами. С вертолета их, что ли, погасили. Развлекался кто-то.

Потом попался трактор – обычный «Беларусь», лежащий в кювете лесной дороги на боку. Трактор тоже был старый, сквозь отверстия в огромном колесе проросло деревце. По годам вроде бы и рано такому деревцу прорасти, но здесь всё перло, как на дрожжах. Радиация, что ли? Но докторов дозиметр упорно молчал, показывал фон... Хрен с ним, не всё ли равно?

Набредли на разбитый самолет – военный транспортник «Ан-26», То ли его сбили, то ли сам свалился в лес, но раскидало машину прилично. Фюзеляж уцелел, и с разрешения Москаленко мы с Костиком его обыскали: вдруг жратву везли или бухло. Но нет, самолет вез пачки листовок («Русский

и украинец – братья навек!») и какие-то пустые пластиковые контейнеры. Валялось там и несколько скелетов в ошметках формы, но ни жратвы, ни оружия мы не нашли. Скорее всего, кто-то до нас успел полазить, ведь должны были хотя бы автоматы остаться, пистолеты...

А потом мы вышли на железную дорогу. Железная дорога сохранилась совсем хорошо, белые железобетонные шпалы, видно, положили перед самой войной. Прапор припал к рельсу ухом – шутки ради, видать – и озадаченно пробормотал:

– Гудит...

– Что такое? – не поверил Шевкун, сам послушал и кивнул: – Точно, гудит. Что бы тут гудеть могло?

– Что бы ни гудело, а пойдем отсюда скорее, – велел Москаленко.

Я некоторое время оглядывался, словно ожидал, что по насыпи пронесется, разбросав горячие волны воздуха, зеленый пассажирский поезд с белыми табличками на боках – «Санкт-Петербург – Адлер», например... Или «Москва – Севастополь»... А за окнами пассажиры с неизменными вареными яичками в газетах, куриными окорочками в фольге, с лимонадом в полутора литровых пластиковых мототырках и обязательной водочкой посмотрят на цепочку странных военных в камуфляже, с автоматами и подумают: «Что ж, бля, за х...ня?!»

И будут совершенно правы.

Мы ссыпались вниз, пугливо озираясь – мало ли что там гудит – и, ломая низенький березняк, двинулись к лесу. По пути доктор споткнулся о еще один скелет, совсем старый, в ватнике и пятнистых штанах. Черт его знает, кто это был при жизни. Я посмотрел, нет ли чего полезного возле. Нету ничего, только ржавая бензиновая зажигалка.

– Чего ты там? – сердито окликнул Москаленко.

– Иду, иду, – сказал я, догоняя.

– Ты по костям этим аккуратнее лазий, – велел он. – Мало ли, от чего мужик сдох. Заразу подцепишь...

Дождь лил как из ведра. Притом жара стояла тропическая... ну, субтропическая, был я в Гаграх один раз в детстве, представляю. Попрятавшись под огромную старую елку, ребята спали, выставив охранение в виде Костика. Костик сидел чуть поодаль, под елкой поменьше, и что-то бормотал себе под нос с отсутствующим видом. Охранник... С другой стороны, кому мы тут нужны? Зачем?

– Кость! – позвал я.

– Какого?

– К тебе иду, не спится что-то.

– А я тебе колыбельную спою?

– Покурим.

Покурили. Сигареты заканчивались, скоро листву курить будем.

– Ну и что будем делать? – спросил я. – Сплошные приключения.

– Помню, кино французское по телику было – «В поисках приключений». Или «Искатели приключений». Там баба ничегошная была, – вздохнув, сказал Костик. – Часто показывали... Так что ты хотел?

– Самый хороший вариант, наверное, замочить хохлов и двинуть по своим делам. Напрашивается, – прошептал я. – Но есть несколько нюансов хреновых. А: куда двинуть? Б:

зачем? В: дома нам всё ж обещали райскую жизнь по возвращении, и ну как не соврали?

– Ну и что ты хочешь, чтобы я ответил?

– Да ничего, – признался я. – Просто в башке крутится, надо на кого-то выплеснуть. Ты-то что думаешь?

– Ни хрена, – сказал Костик. – Иду себе, иду. Под елочкой посижу, постерегу. Дальше иду. Там посмотрим.

– Куда идем хоть? Что думаешь? Что там в конце?

– Дрянь какая-нибудь, – ответил, помолчав, Костик. С еловой лапы упала большая капля, расплылась по пластиковому рожку автомата. – Раз заранее не говорят, значит, или дрянь, или большие бабки. А если большие бабки – нас точно положат всех, как только исполним предназначение.

– Ну.

– Интересно, правда или надули, падлы, что мы не бороться какие уникальные? Ч-черт... Рвануть сразу, в самом деле?

– Дойти надо. А там уже разберемся, – предложил я.

Костик кивнул, оторвал еловую веточку, погрыз хвою.

– Полезно, говорят, – буркнул он, сплевывая зеленую горечь. – Витамины. А ты это... с прапором поговори. Да и с летехой нашим...

– Я? А почему не ты?

– Тебе больше доверяют, по-моему. А я лучше посмотрю, чтобы эти двое не шпионили.

Утром все проснулись промокшие, а дождь всё не прекра-

щался. Хотелось есть. Шевкун сказал, что нужно отрядить двоих на охоту, на что прапорщик скептически спросил:

– А вы живую тварь, кроме жаб этих, когда в последний раз видели?

– А мы и не искали, – сказал Шевкун. – Сами ж они к нам не побегут. И жрать всё равно больше нечего.

– Да вон, – сказал прапорщик. Под березками росли густой кучкой странные сизые грибы. – Подберезовики. Появились опять.

– Не похожи, – с сомнением пробормотал старлей Беранже.

– Под березами же растут.

– Подберезовик не такой... Ну, не совсем такой.

– Это есть нельзя, – решительно сказал доктор. – Это му-тант. Может быть, вполне съедобный и неядовитый, но рисковать не будем.

– По-моему, я читал, что ядовитых трубчатых грибов не бывает, – сказал Коля. – Только пластинчатые.

– Ну, сожри тогда кусочек шляпки, а мы подождем, – предложил Москаленко. – Подохнешь – зароем. Не подохнешь – суп сварим.

Коля умолк.

С охотой, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Если какие-то звери в здешних проклятых богом местах и жили, то они умело прятались. Отряженные в охотники Костик и Коля вернулись злобные, притом прапор поскользнулся и

ободрал рожу о ветки.

– Если до вечера ничего не найдем, сожру грибов, – сказал он, сердито размазывая по щеке кровь.

– Ну и помрешь. Или усрешься в страшных муках, – равнодушно предрек Костик.

– Хоть сытый помру. Не могу больше, не привык я так не жравши по лесу шастать. Мне жена тефтели знаешь какие делала!

– У тебя еще и жена есть?! – удивился я. Никак прапор не тянул в моих глазах на женатого человека. И где это он, интересно, тефтели трескал? Откуда мясо брал?

– Есть, – буркнул прапорщик. – Ладно, сняли тему.

– Не, ты про тефтели подробней расскажи! – привязался Костик, который, наверное, подумал о том же, о чем и я.

– Фермерствовал я, понятно? С тестем. Хорош, сняли тему, сказал.

Фермерствовал. Этим хорошо, только мало их. Тесть небось куркуль.

День шли под сплошным ливнем, два раза перебирались через овражки, превратившиеся в горные речки, пересекли заброшенное шоссе, узкоколейку, еще одно шоссе. На оказавшейся метрах в трехстах левее нашего пути автобусной остановке решили устроить привал: бетонный козырек давал возможность отдохнуть от барабанившего по голове и плечам непрерывного дождя. Прапор тут же углубился в изучение настенных надписей, но ничего полезного из них не извлек

– писано было давно, притом по-русски, стандартно и без выдумки, какие-то важные ориентиры в надписях также не упоминались. Капитаны возились с картой – они-то знали, где мы топаем, но нам не говорили. Или не знали, не могли определиться, и стеснялись сказать.

Старлей, окончательно утративший властные полномочия, дремал в уголке. Мужик он был хороший, вне всяких сомнений, и я вспомнил о своих планах переговорить с ним и с прапорщиком Колей. Но это не сейчас. Сейчас вздремнуть, что ли? До ночи еще топать и топать, да и ночевать неизвестно где придется, а тут хоть сухо.

Я задремал, когда кто-то громко сказал:

– Твою мать... мужики! Автобус!

Более неожиданную фразу в данной ситуации трудно было придумать, хоть мы и расположились именно на автобусной остановке. Я подумал, что Коля прикалывается, но тут сквозь шум ливня явственно прорвался натужный гул работающего мотора. Может, и не автобус, конечно, но явно машина, и не легковая.

– Берем! – выдохнул прапорщик с азартом. – Стопим суку!

– Никаких... – начал было Москаленко, но Коля без промедления послал его и, подхватив автомат, выбежал наружу. За ним выскочили старлей и Костик, не стал медлить и я. Как бы там ни было, водитель автобуса о нас не знал и даже не предполагал, а мы... Мы возникли из дождевой пелены, и

Костик без предупреждения дал короткую очередь прямо по лобовухе наезжавшего «кавзика». Автобус неуклюже вильнул и остановился, съехав на обочину и светя желтыми противотуманными фарами.

– Выходи по одному! – заорал Коля.

Со скрипом отворилась водительская дверца, на асфальт прыгнул человек в камуфляже. Вернее, не прыгнул, а выпал, практически вниз головой.

– Пусто, – сказал старлей, появляясь из-за автобуса. – Никого нету.

– А этот готов, – добавил Костик, осмотрев водителя. – Черт... И не спросишь ничего.

Мы, включая подбежавших офицеров, собрались вокруг грузного мужика в годах, залитого кровью и осыпанного прозрачными кубиками побитой лобовухи. Мужик как мужик, хорошо выбритый, лысоватый...

– Обыскать, – велел Москаленко неизвестно кому, но Костик уже опустился на колени и полез по карманам мертвеца. Он передал капитану пачку ментоловых сигарет «Дорал», пластмассовую зажигалку, баночку с американским растворимым аспирином и носовой платок.

– Больше ничего нет, – сказал он. – На руке часы «Сейко», кварцевые.

– Оружие есть?

– При нем нету.

– Щас в кабине гляну, – сказал старлей, – и заодно по-

смотрю, что там еще интересного.

Я полез следом. Рядом с водительским сиденьем лежал обыкновенный «Калашников» с откидным прикладом, довольно старый, потертый. В бардачке – всякая ерунда, тряпки, два стакана, ножик складной, вилка с ложкой, пластмассовая солонка. В салоне – как и положено, дерматиновые сиденья, старые, в разноцветных заплатах, некоторые с выдраным поролоном.

– Ни хрена интересного, – сказал я, вылезая обратно под дождь.

– Дебилы, – проворчал Москаленко. – А если бы там взвод автоматчиков ехал?

– Да мы бы под откос и в лес, пока они разобрались бы, что к чему, – заулыбался Коля. – Партизанские мотивы!

– Партизан хренов... Что будем дальше делать?

– Поедем на автобусе, – сказал неожиданно молчаливый Шевкун.

– Вы что, серьезно? – с недоверием спросил Костик. – На автобусе, по шоссе?

– А почему бы и нет? Маршрут нам позволяет, лишь бы не наткнуться на кого... Наверстаем упущенное. Если у них тут автобусы ходят, вдруг и ГАИ есть? Или какие-нибудь посты... Понимаете, это как бы ничейные территории. Даже не нейтральные, а ничейные. Тут всё, что угодно, может располагаться, вплоть до самозванного государства.

– ГАИ-то точно нет, а вот посты и в самом деле могут

быть. Тогда давайте грузиться. Эх, жаль, жратвы он не вез... – сказал Костик. – Что бы ему колбаски прихватить.

– С разбитой лобовухой поедem, – поцокал Коля. – Херово за рулем-то.

– Вот первый и поведешь, – сухо сказал Москаленко. – А потом меняться будем. Бензина-то там много?

– Бензина канистра сзади еще стоит, – подал голос старлей. – Зеленая такая, металлическая.

– Зеленая, товарищ старший лейтенант? Да тут две, – сказал Васюня. – И обои зеленые.

– А во второй что? – спросил Москаленко. Во второй канистре был спирт.

«Утром спросонок он никак не мог понять, где находится. Он ехал в автобусе; рядом с ним, на других сиденьях, спали незнакомые военные, а за окнами по обеим сторонам летел зеленый, теплый, солнечный лес»...

Так писал Константин Симонов, и строки «Живых и мертвых», одной из моих любимых книг, вспомнились мне, как только я открыл глаза.

Салон заливал солнечный свет, на соседнем сиденье в весьма неудобной позе спал Коля, автомат валялся рядом на полу. Потянувшись, я обнаружил, что за рулем сидит сам Москаленко, голова у меня трещит, а во рту стойкий вкус блевотины.

Странно, но я ровным счетом ничего не помнил. Понятное дело, я напился, да и все напились, а вот как? Что там было, чем кончилось? Куда я еду?! Что за автобус?

Тьфу ты... вспомнил. Вернее, вспомнил, откуда автобус, а вот как напился...

Я встревоженно огляделся – все ли на месте или кого-то по пьянке прикончили? Нет, все тут. Вроде спят, только старлей бессмысленно смотрит в окно, прислонившись лбом к стеклу.

– Проснулся, сволочь, – беззлобно, в общем-то, произнес Москаленко.

Он остановил автобус и, поднявшись с сиденья, подошел ко мне.

– М-мы где? – пробормотал я.

Блин, лучше бы не просыпался, надо ж мне было вскинуться и завертеться. Дремал бы тихонько. Только пить хочется.

Москаленко ответил в рифму, как поступил бы на его месте любой.

– Нажрались, твари. Гондоны...

– Спирту, что ли?

Я вспомнил канистры: одну с бензином, вторую со спиртягой. Точно, ее и саданули. Поди ж ты, восстанавливаются события потихоньку. Интересно, сколько мы уже с тех пор едем?

– Неужто всю канистру?! – спросил с дрожью в голосе старлей, прислушавшийся к разговору.

– Куда вам всю, блевунам херовым... – презрительно сказал Москаленко. – Грамм по двести и выпили всего.

– На голодный желудок же, – попытался я оправдаться, но капитан махнул рукой и продолжал:

– И попробуй отними, как в той гребаной конфете. Хорошо, не пристрелили.

Вот оно что. Напугали капитана! Вернее, двух капитанов... где Шевкун? Ах, вот он, тоже спит. Неужели нажрался вместе с нами?

– Пришлось самим вести, – сказал Москаленко, просле-

див мой взгляд. – Хотя ты за руль лез. Хватался.

– И куда приехали?

Это проснулся прапор. Красными выпученными глазами он озирался вокруг, дыша перегаром и громко икая.

– Воды попей, – посоветовал старлей.

– На спирт воду не надо, – строго сказал капитан. – Опять накроет.

– Горят трубы... – просипел прапор. – Трубы горят, трищ капитан...

– На. – Москаленко отстегнул с пояса фляжку и протянул прапору.

Тот принялся глотать воду, судорожно двигая кадыком. Я тоже отхлебнул из своей – не могу сказать, что от этого стало лучше, вода комком провалилась в желудок и словно бы принялась там ворочаться. А ведь так пить хотелось... Я замурился. В детстве золотом после такого похмелья обычно зарекаешься пить на всю жизнь... и тут же нарезаешься по новой после неудачной опохмелки.

– Давайте я за руль, – сказал прапор, возвращая флягу капитану.

– Тогда я лучше пешком, – заявил старлей. – Ты ж нас в кювет свернешь, падла. Посмотри на себя.

– Шо я там не видал...

В итоге за руль посадили несчастного дурака Васюню, которому, оказывается, вчера пить не давали. Он завел двигатель и неуклюже, толчками вывел автобус с обочины на до-

рогу. Я открыл окно, высунул голову наружу, под ветерок, но лучше не становилось. Выпитая вода фонтаном плеснула изо рта.

– Похмелиться дать? – ехидно спросил Москаленко.

Я промолчал. Может, правда спиртику садануть?

За окном проплывала придорожная зелень, изредка – порушенные и не очень автобусные остановки, рассыпавшиеся кирпичные туалеты. Встретился и автобус, «пазик», – желтый, в черных пятнах там, где опала краска, с выбитыми стеклами и изрешеченными бортами. В другом месте шоссе перекрывали два столкнувшихся грузовика – «КамАЗ» и «зил»-самосвал, обгорелые и почему-то без колес. Васюня довольно аккуратно объехал их по обочине. Что ж их не уберут-то? Наверное, не такое у них тут оживленное движение, чтобы трассу расчищать.

Так мы и ехали до тех пор, пока не пришлось бросить автобус – кончилось горючее. Любопытно, что мы так никого и не встретили на шоссе. С одной стороны, слава Аллаху, с другой – интересно всё ж было бы разузнать, что за уроды тут обитают. Загадочка, надо полагать, останется неразгаданной, если только на обратном пути не столкнемся. А будет он, обратный путь? Хрен его знает.

То, как хорошо передвигаться в общественном транспорте, я понял после первой десятикилометровки. Автобус нас порядком развратил, сволочь такая. К хорошему быстро привыкаешь, а отвыкаешь – долго.

Ковыляли неторопливо, а у капитанов не хватало наглости нас подгонять – всё же вон сколько на колесах проехали, можно и не нестись сломя голову. Стало сухо и жарко, в траве одуряюще трещали кузнечики, вдобавок у нас кончилась вода.

– Речечку бы найти, – бормотал Костик, голый по пояс, отгоняя веткой комаров, которым жара была по барабану. – Окупнуться, напиться.

– Хоть бы лужу, – сказал прапор.

– Из лужи пить нельзя по такой-то жаре, – покачал головой Шевкун.

– Я про окупнуться говорил, – огрызнулся прапорщик, – не дурнее паровоза. Сколько нам идти еще, сказали бы лучше.

– Идти совсем недалеко. Может, к ночи уже доберемся.

– Дай-то бог.

Но к ночи мы не добрались, пришлось остановиться в небольшом песчаном овраге, заросшем папоротником. Наломав разлапистых ветвей, я устроил себе мягкую постельку и завалился с целью уснуть, но тут Москаленко предложил выпить по рюмочке из автобусных запасов (канистру мы, понятное дело, не поволокли, хотя Коля и предлагал, но фляжки набрали) Я уже хлебнул чуть-чуть в одиночку, но и отказываться было неудобно. Костер по причине жары и отсутствия жратвы, которую на нем можно зажарить, разводить не стали – так и сидели в темноте, чокаясь на ощупь фляжками. Капитан предупредил, что напиваться не стоит, но никто и

не соби́рался в такой духоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.